

ДАЮЩИЙ

Лоис
Лоури

Annotation

Этот роман, написанный в редком для детской литературы жанре антиутопии, словно отвечает на невысказанные, но оттого не менее острые для подростков вопросы. Почему в мире так много жестокости и боли? Почему иногда так трудно отделить благо от зла? Что будет, если устроить мир «по справедливости», устранив все различия между людьми?

- [Лоис Лоури](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
-

Лоис Лоури
Дающий

Детям, в чьих руках наше будущее

До декабря оставалось совсем чуть-чуть, и Джонасу было страшно. Нет. Неправильное слово, подумал Джонас. Страшно — это когда тебе плохо от того, что должно произойти что-то ужасное. Страшно ему было год назад, когда неизвестный самолет дважды пролетел над коммуной. Джонас сначала увидел его, а через секунду — услышал рев двигателя. Затем, почти сразу тот же самолет пронесся обратно.

Джонас замер. Он никогда не видел самолетов так близко: Пилотам запрещалось летать над коммуной. Иногда на посадочную полосу по ту сторону реки приземлялись грузовые самолеты, и дети на велосипедах подъезжали к берегу и, не отрываясь, смотрели, как они сгружают продовольствие, а потом улетают на запад, за пределы коммуны.

Но этот самолет был другим. Остроносый и стремительный, он был совсем не похож на пузатые грузовые суда. Испуганно оглядевшись, Джонас увидел, что остальные — и дети, и взрослые — бросили свои дела и ждут, пока им объяснят, что происходит.

«ВСЕМ ЧЛЕНАМ КОММУНЫ НЕМЕДЛЕННО ЗАЙТИ В БЛИЖАЙШЕЕ ЗДАНИЕ И ОСТАВАТЬСЯ ТАМ! — раздался из громкоговорителей резкий голос. — ВЕЛОСИПЕДЫ ОСТАВИТЬ НА МЕСТЕ».

Джонас тут же бросил велосипед на дорожке возле своего дома и вбежал внутрь. Он был один — родители еще не пришли с работы, а младшая сестра Лили, как всегда после школы, была в Детском Центре.

Джонас посмотрел в окно. Улица опустела: ни Дворников, ни Ландшафтных Рабочих, ни Доставщиков еды, никого из тех, кто обычно заполняет коммуны в дневные часы. Только валяющиеся повсюду велосипеды — у одного еще крутилось колесо.

Вот тогда он испугался. От вида замершей коммуны ему стало нехорошо.

Но оказалось, что ничего страшного не произошло. Уже через несколько минут снова раздался треск громкоговорителей, и голос, теперь гораздо более спокойный, объяснил, что Пилот на Обучении сбился с курса, запаниковал и в надежде скрыть ошибку повернул обратно.

«РАЗУМЕЕТСЯ, ОН БУДЕТ УДАЛЕН», — сказал голос, и наступила тишина.

Последнюю фразу Диктор произнес с иронией, как будто речь шла о

чем-то забавном. Джонас тоже усмехнулся, хотя отлично знал, что ничего смешного в этом утверждении нет. Для действующего члена коммуны Удаление было страшным наказанием, свидетельством полного провала, приговором.

Даже детей ругали, когда они использовали это слово просто так, например, разозлившись на члена команды, пропустившего мяч, или уронившего эстафетную палочку. Джонас тоже однажды крикнул своему лучшему другу Эшеру: «Ну все! Ты удален!», когда из-за его промаха их команда проиграла. Тренер отвел Джонаса в сторону для серьезного разговора, и он, виновато опустив голову, попросил у Эшера прощения.

Джонас ехал домой вдоль берега и размышлял о чувстве страха. Он вспомнил, как до тошноты испугался пронесшегося над коммуной самолета. Это было совсем не похоже на ощущения, которые вызывал в нем приближающийся декабрь. Он искал правильное слово, чтобы их описать.

Джонас внимательно относился к словам. Не то что его друг Эшер, который говорил слишком быстро и все путал — получалась такая мешанина, что не всегда даже было понятно, о чем речь. Часто выходило очень смешно.

Джонас улыбнулся, вспомнив, как однажды утром запыхавшийся Эшер ворвался в класс, когда все уже пели утренний гимн. Исполнив последний куплет, ученики расселись по местам, а Эшер остался стоять. Он должен был, как и положено, публично извиниться.

Так и не отдышавшись, Эшер протараторил стандартное извинение:

— Я приношу извинения за то, что причинил неудобство своим соученикам.

Инструктор и класс терпеливо ждали объяснения. Ученики улыбались — они не раз уже выслушивали объяснения Эшера.

— Я вышел из дома вовремя, но когда проезжал мимо инкубатория, залюбовался тем, как разделяют семгу. Я приношу извинения своим одноклассникам, — повторил Эшер, одернул форму и сел.

— Мы принимаем твои извинения, Эшер, — класс хором проскандировал стандартный ответ.

При этом многие ученики с трудом сдерживали смех.

— Я принимаю твои извинения, — улыбнулся Инструктор. — И хочу сказать тебе спасибо за то, что ты опять даешь мне возможность поговорить с классом о Правильном Употреблении Слов. «Залюбоваться» — слишком сильное слово по отношению к разделыванию семги.

Инструктор повернулся к доске и написал «залюбоваться». А под ним

написал «засмотреться».

Джонас улыбнулся этому воспоминанию. Он уже почти подъехал к дому и, ставя велосипед на место, вдруг понял, что не так со словом «страшно». Оно слишком сильное.

Он так давно ждет этого особого декабря. И теперь, когда декабрь так близко, ему не страшно. «Я жду его... с нетерпением, — решил Джонас. — И, конечно, я волнуюсь». Все Одиннадцатилетние были взволнованы этим стремительно приближающимся событием.

И все же всякий раз, когда Джонас думал, что может произойти, ему было не по себе.

«Мне тревожно, — решил Джонас. — Вот что я чувствую».

— Ну, кто сегодня хочет первым поделиться чувствами? — спросил Отец в конце ужина.

Это был один из ритуалов — делиться чувствами. Иногда Джонас и Лили спорили, кто будет первым. Их родители, конечно, тоже принимали участие в ритуале, они тоже делились своими чувствами каждый вечер. Но как и все родители и вообще взрослые, они не ссорились. В том числе из-за права начать ритуал.

Сегодня и Джонас не пытался заговорить первым. Его чувства были слишком сложными. Он хотел ими поделиться, но не спешил, хотя и не сомневался, что родители помогут ему в них разобраться.

— Давай, Лили, — сказал он, глядя на младшую сестру.

Лили — Семилетняя — ерзала на стуле от нетерпения.

— Я сегодня очень разозлилась, — объявила Лили. — Моя группа из Детского Центра была на площадке для игр, и к нам пришли посетители-Семилетние, и они вообще не следовали правилам! Один из них, мужского пола, не знаю, как его зовут, все время забирался на горку без очереди, хотя все остальные ждали. Я так на него разозлилась! Я даже сжала руку в кулак, вот так, — она потрясла кулачком, и вся семья улыбнулась ее смелому жесту.

— Как ты думаешь, а почему посетители не следовали правилам? — спросила Мать.

Лили в задумчивости покачала головой:

— Я не знаю. Они вели себя как... как...

— Звери? — смеясь, подсказал Джонас.

— Точно, — рассмеялась Лили. — Как звери.

Дети понятия не имели, что значит это слово, но так часто называли невоспитанных или неловких людей, людей, которые вели себя не так, как

все.

— А откуда они приехали? — спросил Отец.

Лили задумалась.

— Наш староста говорил об этом в приветственной речи, но я не помню. Наверное, я прослушала. Они из другой коммуны. Им пришлось выехать обратно очень рано, они даже обедали в автобусе.

Мать посмотрела на Лили:

— А как ты думаешь, может, у них правила другие? И поэтому они просто не знают, какие правила на вашей площадке?

— Наверное, — пожала плечами Лили.

— А вы разве не посещали другие коммуны? — спросил Джонас. — Моя группа часто это делала.

Лили кивнула:

— Да, когда мы были Шестилетними, мы провели целый школьный день с группой Шестилетних из другой коммуны.

— И как ты себя там чувствовала?

Лили нахмурилась:

— Мне было неудобно. У них другая система. Они уже освоили учебный материал, которого у нас не было, и мы чувствовали себя глупыми.

Отец слушал Лили очень внимательно.

— Я все думаю про мальчика, который не следовал правилам. Может, и ему было неудобно, может, и он чувствовал себя глупо? Ведь он тоже был в незнакомом месте с непривычными правилами. Как ты думаешь, Лили?

Лили обдумала его слова.

— Да, — сказала она наконец.

— А мне его даже жалко, — сказал Джонас. — Хоть я его и не видел. Мне было бы жаль любого, кто оказался там, где ему неудобно и он чувствует себя глупо.

— Что ты чувствуешь сейчас, Лили? — спросил Отец. — Все еще злишься?

— По-моему, нет, — решила Лили. — По-моему, мне тоже его жалко. И я жалею, что сжала руку в кулак, — сказала Лили. И улыбнулась.

Джонас улыбнулся в ответ. Лилины чувства всегда такие ясные, простые, с ними легко разобраться. Он подумал, что, наверное, когда он был Семилетним, его чувства были такими же.

Он вежливо, но не слишком внимательно слушал, что рассказывает Отец. Тот говорил о чувстве, которое беспокоило его сегодня на работе: он волновался за одного из Младенцев. Отец Джонаса был Воспитателем.

Воспитатели должны были заниматься всеми эмоциональными и физическими потребностями детей в первые годы жизни. Джонас понимал, что это очень важная работа, но она его не слишком интересовала.

— Какого он пола? — спросила Лили.

— Мужского, — сказал Отец. — Очень милый ребенок мужского пола со славным характером. Но он растет медленнее, чем положено, и плохо спит. Мы держим его в отделе дополнительного ухода, но в Комитете уже поговаривают о том, чтобы его удалить.

— Ох, — вздохнула Мать. — Представляю, как тебе тяжело.

Джонас и Лили сочувственно покивали. Удаление детей всегда было печальным событием, ведь они еще не успели насладиться жизнью в коммуне. И они не сделали ничего плохого.

Удаление не было наказанием только в двух случаях — если дело касалось Старых и Младенцев. Удаление Старых отмечалось как праздник полно и хорошо прожитой жизни, а вот Удаление новорожденных сопровождалось чувствами бессилия и грусти. Особенно тяжело приходилось Воспитателям, которым казалось, что в случившемся есть их вина. Впрочем, детей удаляли очень редко.

— Но я пока не сдаюсь, — сказал Отец. — Я собираюсь попросить у Комитета разрешения приносить его на ночь домой, если вы, конечно, не против. Вы же знаете, как работают Ночные Воспитатели. Я думаю, этот малыш нуждается в чем-то большем.

— Конечно, — сказала Мать.

Джонас и Лили кивнули. Отец уже жаловался им на Ночных Воспитателей. Работа Ночных Воспитателей не считалась важной, на нее назначали людей, которым не хватало знаний, способностей, умения для более ответственной дневной деятельности. Большинству ночных работников даже не подбирали супругов, так как они не обладали элементарным навыком общения, что совершенно необходимо для создания Семейной Ячейки.

— Может быть, мы даже сможем его оставить у себя, — прощепетала Лили.

Она, конечно, дурачилась, все это прекрасно понимали.

— Лили, — с улыбкой сказала Мать, — ты же знаешь Правила.

Двое детей — один женского, один мужского пола — каждой Семейной Ячейке, гласили Правила.

Лили хихикнула.

— Я подумала, а вдруг один раз можно?

Следующей о своих чувствах рассказывала Мать, которая работала в

Департаменте Юстиции. Сегодня к ней привели рецидивиста, человека, который уже нарушал правила. Она считала, что, строго и справедливо наказанный, он снова обрел свое место в коммуне: работу, дом, Семейную Ячейку. Увидев его во второй раз, она рассердилась. Ей было обидно и даже немного стыдно, что она не смогла изменить его жизнь.

— И еще я почувствовала страх за него, — призналась Мать. — Вы же знаете, третьего шанса нет. Правила гласят, что третье нарушение влечет за собой Удаление.

Джонас вздрогнул. Он знал, что так бывает. У него в группе есть мальчик, чей Отец был удален много лет назад. Но никто никогда не говорит об этом, такой это позор. От одной мысли становится не по себе.

Лили подошла к Матери и положила руку ей на плечо. Не вставая с места, Отец взял ее за руку. Джонас — за другую. Каждый произнес слова ободрения. Вскоре Мать улыбнулась, поблагодарила их и сказала, что ей гораздо лучше. Ритуал продолжался.

— Ну а ты, Джонас? — спросил Отец. — Ты сегодня последний.

Джонас вздохнул. Сегодня он бы рад и вовсе не рассказывать о своих чувствах. Но это, конечно, против Правил.

— Мне тревожно, — признался он, радуясь, что в конце концов нашел правильно описывающее его чувства слово.

— Почему, сын? — Отец выглядел обеспокоенным.

— Я знаю, что на самом деле волноваться не о чем, — объяснил Джонас, — и что каждый взрослый через это прошел. И вы тоже. Но Церемония все равно меня тревожит. Ведь уже почти декабрь.

Лили широко раскрыла глаза.

— Церемония Двенадцатилетних, — прошептала она благоговейно.

Даже самые маленькие дети — как Лили и младше — знали, что ожидает в будущем каждого из них.

— Я рад, что ты поделился с нами своими чувствами, — сказал Отец.

— Лили, — позвала девочку Мать. — Тебе пора идти надевать пижаму. А мы с Отцом останемся и побеседуем с Джонасом.

Лили скривилась, но послушно встала из-за стола.

— Без меня? — спросила она.

— Да, это будет отдельная беседа только с Джонасом, — ответила Мать.

Джонас смотрел, как Отец наливает себе кофе. Он ждал.

— В детстве, — сказал Отец, — каждый декабрь был для меня событием. Как и для вас с Лили. Декабрь приносит столько нового!

Джонас кивнул. Он помнил декабри с тех пор, как стал Четырехлетним. Те, что были раньше, стерлись из памяти, хотя он, конечно, присутствовал на всех Церемониях. Он прекрасно помнил Лилины первые декабри. Особенно декабрь, когда их Семейная Ячейка получила Лили — на той Церемонии она была названа и стала Годовалой.

Церемония Годовалых — всегда шумная и веселая. Каждый декабрь Младенцы, рожденные в течение года, становятся Годовалыми. По очереди — детей ровно пятьдесят, если никого не удалили, — их выносят на сцену Воспитатели, которые заботились о них с рождения. Некоторые идут сами, еще неуверенно держась на ногах, а совсем маленькие лежат на руках у Воспитателей.

— Я люблю Называние, — сказал Джонас.

— Я тоже, — сказала Мать. — В тот год, когда мы должны были получить Лили, — а мы, естественно, знали, что нам выдадут ребенка женского пола, ведь мы подали прошение, и оно было одобрено, — я постоянно думала, какое же у нее будет имя?

— Я мог бы, конечно, заглянуть в список и до Церемонии, — признался Отец. — Комитет готовит его заранее, и он всегда лежит в офисе Воспитательного Центра.

— Вообще-то, — продолжил Отец, — мне немного стыдно, но сегодня я действительно зашел в офис, чтобы проверить, нет ли там списков для Называния. Список был, и я посмотрел на запись под номером Тридцать Шесть — это номер того малыша, о котором я вам сегодня рассказывал. Я подумал, что воспитательный процесс пойдет быстрее, если называть его по имени. Наедине, конечно, чтобы никто не услышал.

— И ты узнал его? — воскликнул Джонас.

Это было невероятно — то, что Отец вообще способен нарушить Правило, пусть и не самое важное. Джонас взглянул на Мать, человека, ответственного за соблюдение Правил в коммуне, и с облегчением увидел, что она улыбается.

Отец кивнул.

— Его именем — если он, конечно, дотянет до Называния — будет

Гэбриэл. Так что я шепчу ему это имя во время кормлений, игр и занятий. Когда никто не слышит. Я зову его Гейб, — улыбнулся Отец.

— Гейб, — произнес Джонас. — Хорошее имя.

Хотя Джонас был только Пятилетним в тот год, когда они получили Лили и узнали ее имя, он отлично помнил, как все этого ждали. Они часами обсуждали, как она будет выглядеть, какой у нее будет характер, впишется ли она в размеренную жизнь Семейной Ячейки. Он помнил, как забрался на сцену вместе с родителями — Отец был с ними, а не с другими Воспитателями, потому что в том году ему выдавали собственного ребенка.

Он вспомнил, как его Мать взяла ребенка, теперь его сестру, на руки и как прочли документ собравшимся Семейным Ячейкам: «Младенец Двадцать Три, — объявил Называтель, — Лили».

Он помнил восхищенное лицо Отца и как он прошептал:

— Это одна из моих любимиц, я надеялся, что нам дадут именно ее.

Толпа хлопала, Джонас улыбался. Ему нравилось имя его сестры. Лили, так толком и не проснувшись, помахала крошечным кулачком, и они спустились со сцены, чтобы уступить место следующей Семейной Ячейке.

— Когда я был Одиннадцатилетним, как ты, Джонас, я был очень нетерпелив. Никак не мог дождаться Церемонии Двенадцатилетних. Это ведь почти два дня. Я помню, что мне понравились Годовалые, но все остальные Церемонии не очень-то меня интересовали, кроме Девятилетних. Моя сестра стала в тот год Девятилетней и получила свой велосипед. Я учил ее ездить на моем, хотя, конечно, не должен был этого делать.

Джонас рассмеялся. Это было одно из Правил, которое не принимали всерьез и нарушали почти всегда. Велосипеды получали Девятилетние, до этого возраста ездить запрещалось. Но почти всегда старшие братья и сестры учили младших кататься, Джонас и сам уже подумывал, не пора ли заняться этим с Лили. Шли разговоры о том, чтобы поменять Правила и выдавать велосипеды в более раннем возрасте. Комитет изучал этот вопрос. Когда Комитет изучал что-нибудь, люди всегда шутили, что члены Комитета раньше станут Старейшинами, чем поменяют Правила.

Поменять Правила было невероятно сложно. Иногда, когда речь шла о чем-то действительно важном — не о такой ерунде, как велосипеды и возраст, в котором их следует выдавать, — вопрос задавали Принимающему, самому важному из Старейшин. Джонас его никогда и не видел, по крайней мере, не знал, как он выглядит. Но Комитет никогда бы не побеспокоил Принимающего вопросом велосипедов, члены Комитета просто будут судить и рядить годами, пока в коммуне не забудут, что этот

вопрос вообще был поставлен на обсуждение.

Отец продолжил:

— Я с удовольствием посмотрел, как моя сестра Катя стала Девятилетней, как она впервые сняла ленты для волос и получила велосипед. Затем я не очень-то внимательно наблюдал за Церемониями Десяти- и Одиннадцатилетних. И вот, к концу второго дня — казалось, он будет длиться вечно — наступила моя очередь. Церемония Двенадцатилетних.

Джонас поежился. Он представил себе, как Отец, который, скорее всего, был тихим и скромным мальчиком — таким же тихим и скромным, как сейчас, — сидит со своими одноклассниками и ждет, когда его вызовут на сцену. Церемония Двенадцатилетних была последней Церемонией. Самой важной.

— Я помню, с какой гордостью смотрели на меня родители. Даже Катя, которой ужасно хотелось поскорей проехаться по коммуне на велосипеде, перестала ерзать и сидела очень прямо и спокойно, когда я вышел на сцену. Но, если честно, Джонас, — сказал Отец, — у меня Церемония тревоги не вызывала. Я был абсолютно уверен в своем Назначении.

Джонас удивился. Узнать про Назначение заранее совершенно невозможно. Распределение было секретным, им занимались лидеры коммуны — Старейшины. Относились они к этому со всей серьезностью, так что в коммуне про Назначения даже никогда не шутили.

Мать тоже была удивлена:

— Как же ты узнал?

Отец мягко улыбнулся:

— Ну, мне это было ясно с самого начала — и родители позже признались, что тоже не сомневались в том, какое дело будет получаться у меня лучше всего. Мне всегда нравились маленькие дети. Пока мои одноклассники устраивали велосипедные гонки или строили машины и дома из конструкторов, или...

— То есть занимались тем же, чем мы с друзьями, — заметил Джонас.

— Конечно, я тоже участвовал во всех этих играх, все дети обязаны в них участвовать. И в школе я учился так же усердно, как ты. Но в свободное время я возился с малышами. И все часы добровольной работы проводил в Воспитательном Центре. Старейшины, конечно, про это знали.

Джонас кивнул. В этом году он заметил, что наблюдение усилилось. В школе, в Зоне Отдыха, в часы добровольной работы он часто видел Старейшин, наблюдающих за ним и другими Одиннадцатилетними. Он

видел, как они записывают что-то в блокноты. Он знал, что они по многу часов беседуют со всеми Инструкторами, которые занимались с Одиннадцатилетними с первых лет школы.

— Так что я ждал своего Назначения и, когда объявили, что я буду Воспитателем, только обрадовался, — объяснил Отец.

— И все хлопали, хотя это не стало ни для кого сюрпризом? — спросил Джонас.

Отец улыбнулся.

— Ну конечно. Все радовались за меня, ведь я получил Назначение, о котором всегда мечтал. Мне очень повезло.

— А кто-нибудь из Одиннадцатилетних был разочарован?

В отличие от своего Отца, Джонас понятия не имел, какое из Назначений ему достанется. Но точно знал, что среди них есть такие, которые его расстроят. Например, при всем уважении к Отцу и его работе, он совсем не хотел бы стать Воспитателем. Да и Рабочим тоже.

Отец задумался.

— Вроде бы нет. Старейшины очень внимательно относятся к распределению.

— Я думаю, это самая важная работа в коммуне, — заметила Мать.

— Моя подруга Йошико не ожидала, что ее назначат Врачом, — сказал Отец. — Но очень этому обрадовалась. И да, был еще Андрей — в детстве он никогда не любил подвижные игры. Все свободное время он проводил, играя с конструктором, а часы добровольной работы — на стройках. Он был в восторге от своего Назначения Инженером.

— Кстати, мост через реку — тот, что с западной стороны, — построил именно он. Когда мы были маленькими, этого моста не было, — сказала Мать.

— Неудачные Назначения бывают крайне редко. Я не думаю, что тебе надо беспокоиться по этому поводу, — успокоил Джонаса Отец. — Кроме того, как ты знаешь, всегда можно подать апелляцию.

Тут все рассмеялись — апелляции отправлялись в Комитет на обсуждение.

— Я немного волнуюсь за Назначение Эшера, — признался Джонас. — С ним так весело! Но у него нет никаких серьезных увлечений. Он все превращает в игру.

Отец улыбнулся:

— Знаешь, а я ведь помню Эшера еще с Воспитательного Центра, до Называния. Он никогда не плакал. Смеялся все время. Все сотрудники любили нянчить Эшера.

— Старейшины знают Эшера, — сказала Мать. — Они подберут ему правильное Назначение. Не волнуйся за него. Но, Джонас, я должна предупредить тебя кое о чем. Я не догадывалась об этом до самой Церемонии Двенадцатилетних.

— О чем это ты?

— Как тебе хорошо известно, это последняя Церемония. После Двенадцати возраст уже неважен. Большинство из нас со временем просто забывают, сколько им лет. Хотя эта информация доступна — в Зале Открытых Записей, и при желании можно пойти и посмотреть. Но вот что действительно важно — это подготовка к взрослой жизни и обучение Назначению, которое ты получишь.

— Так я знаю об этом! — сказал Джонас. — Все знают.

— Да, но это значит, — продолжила Мать, — что ты перейдешь в новую группу. Как и каждый из твоих друзей. Ты больше не будешь проводить время со своей группой Одиннадцатилетних. После Церемонии Двенадцатилетних твоими одноклассниками станут те, кто будет обучаться тому же Назначению. Никаких часов добровольной работы, никакой Зоны Отдыха. Ты уже не будешь так много общаться со своими друзьями.

Джонас помотал головой:

— Мы с Эшером всегда будем дружить. Кроме того, есть еще школа.

— Это правда, — согласился Отец. — Но и то, что говорит твоя Мать, правда. Все изменится.

— Но изменится к лучшему, — сказала Мать. — После моей Церемонии Двенадцатилетних я скучала по Зоне Отдыха, по детским играм. Но когда я начала учиться Юстиции вместе с другими, я поняла, что есть люди, которым интересно то же, что и мне. Я подружилась с ними — и это была другая, более полная дружба.

— А вы вообще играли во что-нибудь после Двенадцати? — спросил Джонас.

— Иногда, — ответила Мать. — Но мне это уже было не так важно.

— А я играл, — рассмеялся Отец. — И сейчас каждый день играю — в Воспитательном Центре. В «по кочкам, по кочкам», «идет коза рогатая», «баран-баран буц», — он потрепал Джонаса по остриженным волосам. — Веселье не заканчивается в Двенадцать лет.

Вошла Лили в пижаме. Она нетерпеливо вздохнула:

— Что-то это уж очень долгая отдельная беседа. А между прочим, некоторые дети ждут своего утешителя!

— Лили, — строго сказала Мать, — тебе уже почти Восемь. А Восемилетние дети лишаются утешителя. Его заберут и отдадут тем, кто

младше. Тебе пора привыкать спать без него.

Но Отец уже взял с полки плюшевого слона. Многие утешители, как у Лили, были мягкими, плюшевыми воображаемыми существами. Например, утешитель Джонаса назывался «медведь».

— Держи, Лили-Били, — сказал Отец. — Пойдем, я помогу тебе с лентами для волос.

Джонас и Мать переглянулись, но им все же было приятно смотреть, как они идут в спальню — Отец и Лили с плюшевым слонем, утешителем, которого ей выдали при рождении. Мать села за свой большой письменный стол и открыла дипломат — у нее всегда было полно работы. Джонас сел за свой и принялся раскладывать бумаги для школьного задания. Но думал он по-прежнему про декабрь и Церемонию.

Беседа с родителями немного его успокоила, и все же он даже отдаленно не представлял себе, какое будущее выберут ему Старейшины и как он отнесется к их выбору.

— Ой, смотри! — Лили визжала от восторга. — Смотри, какой миленький! Какой крошечный! И у него такие странные глаза, прямо как у тебя, Джонас!

Джонас сердито на нее посмотрел. Его задела Лилины слова. Он ждал, что Отец отчитает ее, но тот отстегивал детскую корзинку от велосипеда и ничего не заметил.

Джонас подошел ближе и понял, о чем говорила Лили.

У ребенка, который выглядывал из корзинки, были светлые глаза.

Почти у всех членов коммуны глаза были темными. У родителей, у Лили, у всех одноклассников и друзей Джонаса. Были и исключения — сам Джонас и одна из Пятилетних девочек, у нее глаза тоже были светлее, чем у других. Но никто никогда не говорил об этом. Правила такого не было, но привлекать внимание к чертам или особенностям индивидуума, которые сильно отличали его от других, было не принято. Это считалось грубостью. Лили, подумал Джонас, тоже должна этому научиться, иначе ее все время будут наказывать за бестактную болтовню.

Отец поставил велосипед на место. Потом подхватил корзинку и занес в дом. Лили пошла за ним, но обернулась и крикнула:

— Наверное, у вас общая Роженица!

Джонас пожал плечами и вошел в дом. И все же глаза ребенка его поразили. Зеркал в коммуне почти не было — не то чтобы они были запрещены, просто никто в них не нуждался, и Джонасу часто и в голову не приходило посмотреть на свое отражение, когда он оказывался рядом с зеркалом. Теперь, глядя на ребенка, на выражение его лица, он вспомнил, что светлые глаза не просто отличали его от остальных. Они еще делали его взгляд особенным — но каким? Глубоким, решил Джонас, как будто смотришь в воду, проникая взглядом так глубоко, что, кажется, вот-вот разглядишь, что таится на дне. Джонас смутился, поняв, что и у него такой взгляд.

Притворившись, что все это ему неинтересно, он направился к своему столу. На другом конце комнаты Мать и Лили склонились над ребенком, которого распеленывал Отец.

— Как называется его утешитель? — спросила Лили, взяв в руки плюшевую игрушку, которая лежала в корзинке.

— Бегемот, — сказал Отец.

Лили хихикнула.

— Бегемот, — повторила она странное слово и положила игрушку на место.

— Младенцы такие милые! — вздохнула Лили. — Вот бы мне дали Назначение Роженицы!

— Лили! — одернула ее Мать. — Не говори так. Быть Роженицей совсем не почетно.

— Но я говорила с Наташей! Знаешь Десятилетнюю, которая живет рядом с нами? Она часто проводит часы добровольной работы в Родильном Доме. Так вот она говорит, что Роженицам дают самую вкусную еду, и у них очень легкая физкультура, и большую часть дня беременные просто играют и развлекаются. Мне бы такое точно понравилось, — гнула свое Лили.

— Да. Три года, — жестко сказала Мать. — За три года — три раза рожать. А потом — все. Потом всю свою взрослую жизнь — они обычные Рабочие, пока не пора будет отправляться в Дом Старых. Ты этого хочешь, Лили? Три праздных года, а потом тяжелая физическая работа до самой старости?

— Пожалуй, нет, — неохотно признала Лили.

Отец перевернул ребенка на живот, положил в корзинку и начал похлопывать по спине.

— В любом случае, Лили-Били, — ласково сказал он, — Роженицам не дают новорожденных. Если тебе так нравятся малыши, мечтай лучше о Назначении Воспитателем.

— В Восемь, когда у тебя появятся часы добровольной работы, ты сможешь часть из них проводить в Воспитательном Центре, — предложила Мать.

— Да, наверное, я так и сделаю, — сказала Лили. Она наклонилась над корзинкой. — Как ты сказал его зовут? Гэбриэл? Привет, Гэбриэл, — пропела Лили.

Она хихикнула.

— Ой! Кажется, он спит. Постараюсь вести себя потише, — добавила Лили шепотом.

Да уж, было бы неплохо, подумал Джонас, возвращаясь к школьным урокам. Лили никогда не была тихой. Может быть, ей лучше всего подойдет Назначение Диктора — тогда она сможет целый день сидеть у микрофона и делать объявления. Он засмеялся, представив, как его сестра важным, как у всех Дикторов, голосом сообщает что-нибудь вроде: «ВНИМАНИЕ. НАПОМИНАНИЕ ДЛЯ ГРАЖДАН ЖЕНСКОГО ПОЛА

МЛАДШЕ ДЕВЯТИ. ЛЕНТЫ ДЛЯ ВОЛОС ДОЛЖНЫ БЫТЬ ЗАВЯЗАНЫ АККУРАТНО».

Он повернулся к Лили и с удовлетворением отметил, что ее ленты, как всегда, развязаны и болтаются. Скоро такое объявление точно прозвучит. И относиться оно будет именно к Лили, хотя ее имя, конечно, упоминаться не будет. Все и так поймут.

Как поняли и в тот раз, когда прозвучало объявление: «ВНИМАНИЕ. НАПОМИНАНИЕ ДЛЯ ОДИННАДЦАТИЛЕТНИХ МУЖСКОГО ПОЛА. ПРЕДМЕТЫ ИЗ ЗОНЫ ОТДЫХА УНОСИТЬ НЕЛЬЗЯ. ПИЩУ СЛЕДУЕТ ЕСТЬ, А НЕ ПРЯТАТЬ». Это было объявление для Джонаса. В тот день, несколько недель назад, он взял яблоко домой. Никто ему ничего не сказал, даже Родители — публичного объявления было достаточно, чтобы он раскаялся. Он, разумеется, выбросил яблоко и следующим утром, перед уроками, принес извинения Директору Зоны Отдыха.

Джонас до сих пор не мог взять в толк, что же тогда произошло. И смущали его не публичное объявление и не извинения, которые пришлось принести. Это были стандартные меры, и он их заслужил. Нет, удивляло само происшествие. Наверное, ему надо было рассказать о своих переживаниях в тот самый вечер, когда Семейная Ячейка, как и всегда, делилась чувствами. Но тогда он не смог определить, облечь в слова свои ощущения. Он не смог бы объяснить, что же его так смутило, и решил этого просто не делать.

Это произошло во время игры с Эшером в Зоне Отдыха. Джонас взял яблоко из корзинки с едой, и они с Эшером начали бросать его друг другу. В такую игру они играли миллион раз: бросил — поймал, бросил — поймал, и так пока не надоест. Игра простая и даже немного скучная, но Эшеру нравится. К тому же ему это полезно — игра тренирует координацию движений, которая у Эшера не соответствует стандартам.

Но вдруг, следя глазами за летящим яблоком, Джонас заметил, что оно — вот как раз этого он и не мог объяснить словами — оно изменилось. На одно мгновение. Он помнил, что это произошло, когда яблоко было в воздухе. Джонас поймал его и внимательно осмотрел, но это было то же самое яблоко. Никаких изменений — тот же размер, та же идеально круглая форма. Того же неопределенного оттенка, что и его одежда.

Не было в этом яблоке ничего особенного. Он повертел его в руках и бросил обратно Эшеру. И опять — в воздухе, всего на одну секунду — оно изменилось.

И так четыре раза.

Джонас поморгал, огляделся, проверил, все ли в порядке со зрением,

взглянув на крошечный идентификационный значок на своей форме. Он прекрасно видел свое имя. Он и Эшера прекрасно видел. И яблоко ловил так же ловко, как обычно.

Джонас был озадачен.

— Эш! Тебе не кажется, что с этим яблоком что-то не так?

— Да! — засмеялся Эшер. — Оно все время выпрыгивает из моих рук прямо на пол! — Эшер только что его опять уронил.

Джонас тоже рассмеялся, пытаясь прогнать тревожную мысль о том, что произошло что-то непонятное.

Вот это яблоко он и взял домой, нарушив правила Зоны Отдыха. Тем вечером, до прихода родителей и Лили, он держал яблоко в руках и внимательно осматривал. Оно было немного помятым, потому что Эшер его ронял. Но ничего необычного в яблоке не было.

Джонас рассматривал его в лупу, подбрасывал и пускал кругами по столу, но яблоко больше не менялось.

Так ничего и не произошло, если не считать объявления, которое тем же вечером раздалось из громкоговорителя. Объявления, которое указало на него, не называя имени, и заставило Родителей многозначительно посмотреть на его стол, где все еще лежало яблоко.

Теперь, сидя за уроками, пока все остальные возились с ребенком, он мотал головой, пытаясь прогнать воспоминания о том, что случилось. Он заставил себя вернуться к заданиям, чтобы успеть что-нибудь до ужина. Гэбриэл начал хныкать, и Отец, терпеливо объясняя Лили, как кормят новорожденных, дал ему бутылку со смесью.

Вечер продолжался, как и все вечера в Семейных Ячейках, в доме, в коммуне: спокойный, медлительный. Время восстановления сил и подготовки к новому дню. От всех прочих вечеров он отличался лишь одним — присутствием Младенца со светлыми, серьезными, знающими глазами.

Джонас медленно ехал по коммуне, ища глазами велосипед Эшера. Он редко проводил часы добровольной работы вместе с Эшером, потому что тот все время дурачился, и работать серьезно было совершенно невозможно. Но сейчас, с приближением Двенадцатилетия и окончанием часов добровольной работы, это было уже неважно.

Свобода выбирать, где провести часы добровольной работы, всегда казалась Джонасу невероятной роскошью — ведь весь остальной день был так строго расписан.

Он вспомнил, как ему исполнилось Восемь, — скоро это предстоит и Лили, — и он получил эту свободу выбора. Все Восемилетние, приступая к первым часам добровольной работы, немного нервничали, хихикали и старались держаться вместе. В первый день они почти всегда оказывались в Зоне Отдыха, привычном для них месте, помогая с младшими. Но мало-помалу, под руководством взрослых, они становились увереннее и начинали выбирать для работы места, которые отвечали их интересам и умениям.

Бенджамин, например, почти все эти четыре года посвятил добровольной работе в Центре Реабилитации, помогая членам коммуны, получившим травмы. Ходили слухи, что он умеет не меньше, чем Руководители Реабилитации, и даже придумал какие-то методы и аппараты для ускорения восстановления. Никто не сомневался, что Бенджамин получит Назначение в этой области и даже сможет пропустить часть обучения.

Джонас восхищался достижениями Бенджамина. Они учились в одной группе и были хорошо знакомы, но, несмотря на это, никогда не обсуждали успехи Бенджамина, такой разговор поставил бы его в неловкое положение. Невозможно было говорить о чьих-то успехах, не нарушив Правила о хвастовстве. Это было второстепенное Правило, примерно такое же, как Правило о грубости, и наказанием за его нарушение был всего лишь легкий выговор. И тем не менее лучше не создавать ситуаций, в которых так легко нарушить Правила.

Джонас проезжал квартал за кварталом, надеясь найти велосипед Эшера. Он проехал мимо Детского Центра, в который Лили ходила после школы. Проехал Центральную Площадь Лекторий, где проводились общественные собрания.

Джонас притормозил, чтобы прочесть таблички с именами на велосипедах возле Воспитательного Центра. Потом остановился у Центра Распределения Еды — помогать с доставкой было интересно, и он надеялся, что найдет здесь Эшера и будет вместе с ним развозить коробки с едой по домам коммуны. Наконец Джонас нашел велосипед Эшера — он, как всегда, валялся на земле — возле Дома Старых.

На стоянке было только два детских велосипеда — Эшера и Одиннадцатилетней по имени Фиона. Джонасу нравилась Фиона. Она хорошо училась, была вежливой и спокойной, но при этом с ней было весело, так что он не удивился, что сегодня Эшер работал именно с ней. Он аккуратно поставил свой велосипед и вошел в здание.

— Здравствуй, Джонас, — поприветствовала его служительница.

Она протянула ему анкету и, когда он подписался, поставила на ней свою печать.

Все часы добровольной работы обязательно учитываются и вывешиваются в Зале Открытых Записей. Дети по секрету рассказывали друг другу историю про одного Одиннадцатилетнего. Будто бы много лет назад он пришел на Церемонию, но вместо Назначения получил выговор за то, что у него слишком мало часов добровольной работы. Ему дали месяц, чтобы набрать недостающие часы, и только потом, уже без торжественной церемонии, он получил Назначение: это позорное происшествие омрачило его будущее в коммуне.

— Хорошо, что у нас сегодня есть помощники, — сказала служительница. — Мы праздновали Удаление этим утром, а от этого всегда сбивается расписание.

Она посмотрела на распечатку.

— Так. Эшер и Фиона помогают в ванной комнате. Может, присоединишься к ним? Ты же знаешь, где это?

Джонас кивнул, поблагодарил ее и пошел по длинному коридору, заглядывая в комнаты. Старые тихо занимались своими делами — разговаривали, что-то мастерили, спали. В комнатах стояла удобная мебель, на полу лежали ковры. Здесь было тихо и спокойно, совсем не так, как в оживленных центрах производства и распределения.

Джонас был доволен тем, что за эти годы поработал в разных местах, — он знал, чем они отличаются. Но он понимал, что никогда не увлекался чем-то одним, а значит, не мог даже предположить, каким может быть его Назначение.

Он усмехнулся: «Опять думаешь про Церемонию, Джонас?» Впрочем, он подозревал, что сейчас, когда до Церемонии осталось так мало времени,

все его друзья думают о том же.

Он прошел мимо Медбрата, ведущего по коридору одну из Старых. Сгорбившаяся женщина медленно передвигала ноги в мягких туфлях.

— Привет, Джонас, — поздоровался молодой мужчина в униформе.

Женщина подняла голову и улыбнулась, глядя перед собой затуманенными темными глазами. Джонас понял, что она слепая.

Он вошел в ванную комнату. Влажный воздух пах моющими средствами. Он снял форменную куртку, аккуратно повесил ее на крючок и взял с полки халат Помощника.

— Привет, Джонас! — Эшер окликнул его, не отходя от ванны.

Рядом с другой ванной сидела Фиона. Она обернулась и улыбнулась Джонасу. Фиона бережно намыливала мужчину, который лежал в теплой воде.

Джонас поздоровался с ними и с другими служащими. Затем подошел к Старым, сидящим на мягких стульях в ожидании купания. Джонас уже работал здесь и прекрасно знал, что делать.

— Ваша очередь, Лариса, — сказал он, прочитав имя женщины на значке. — Я только включу воду, а потом помогу вам подняться.

Он нажал кнопку на ближайшей свободной ванне. Из десятков дырочек полилась вода. Ванна заполнится за минуту, а потом вода отключится автоматически.

Он помог женщине встать со стула, подвел к ванне и снял с нее халат. Поддерживая ее за руку, он помог ей опуститься в ванну. Она откинулась назад и удовлетворенно вздохнула, положив голову на мягкий подголовник.

— Вам удобно? — спросил Джонас, и Лариса кивнула, не открывая глаз.

Джонас взял чистую губку, выдавил на нее моющее средство и принялся мыть хрупкое тело.

Прошлым вечером он смотрел, как Отец купает младенца. Выглядело это почти так же: тонкая кожа, теплая вода, мягкие движения рук, скользких от мыла. Расслабленная умиротворенная улыбка на лице женщины напомнила ему о Гэбриэле.

И нагота тоже. Правила запрещали взрослым и детям видеть друг друга обнаженными, но это не касалось Младенцев и Старых. Джонасу это нравилось. Было ужасно неудобно переодеваться в раздевалке, оставаясь прикрытым; приносить извинения за то, что случайно увидел чье-то тело, тоже всегда было неловко. Он не понимал, почему это так важно. Он чувствовал себя в безопасности в этой теплой, тихой комнате. Ему нравилось выражение полного доверия на лице женщины, которая лежала в

воде. Обнаженная, беззащитная. И свободная.

Краем глаза он видел, как его подруга Фиона помогает Старому выбраться из ванны и вытирает его худое голое тело полотенцем. А затем помогает надеть халат.

Джонас думал, что Лариса задремала, как это часто бывает со Старыми, и старался, чтобы его движения были ровными и мягкими.

Но вдруг она заговорила, не открывая глаз:

— Сегодня утром мы праздновали Удаление Роберто. Это было чудесно.

— Я знаю Роберто! — сказал Джонас. — Я помогал его кормить, когда был здесь в прошлый раз, пару недель назад. С ним было интересно.

Лариса распахнула глаза.

— Они рассказали всю его жизнь, прежде чем удалить. Так всегда делают. Но если честно, — заговорщицки прошептала она, — иногда эти рассказы бывают ужасно скучными. Некоторые Старые даже засыпают. Например, когда Эдну недавно удаляли, так и было. Ты знал Эдну?

Джонас помотал головой. Он не припоминал никого с таким именем.

— Разумеется, они пытались сделать так, чтобы рассказ о ее жизни звучал более значительно. То есть, конечно, — добавила она строго, — все жизни значительны. Я не говорю, что это не так. Но Эдна, бог мой! Она была Роженицей, а потом годами работала в Производстве Еды, пока не оказалась здесь. У нее даже Семейной Ячейки не было.

Лариса приподнялась, чтобы удостовериться, что ее никто не слышит.

— Мне кажется, она была не очень умной, — призналась женщина.

Джонас расхохотался. Он ополоснул ее левую руку, опустил ее обратно в воду и начал мыть Ларисе ноги. Та замурлыкала от удовольствия, когда он массировал ей ступни губкой.

— Но жизнь Роберто была прекрасной, — продолжила Лариса. — Он был Инструктором Одиннадцатилетних — ты же знаешь, как важна эта работа, и он был в Комитете Планирования. И — бог мой — не знаю, как он успел, он еще вырастил двух очень успешных детей и придумал ландшафтный дизайн Центральной Площади. Сам он, конечно, ничего не сажал.

— Теперь спина. Наклонитесь, пожалуйста, — Джонас обнял женщину, чтобы помочь ей сесть. Он взял мочалку и начал тереть ее костлявые плечи.

— Расскажите мне о празднике.

— Ну, сначала рассказывали его жизнь. Начинают всегда с этого. Потом — тост. Мы все подняли бокалы и поздравили его. Потом спели

гимн. Он произнес замечательную прощальную речь. И некоторые из нас тоже сказали пару приветственных слов. Я, правда, не говорила. Я не люблю говорить на публике. Роберто был в восторге. Ты бы видел его лицо, когда его уводили!

Джонас в задумчивости почти перестал водить рукой по ее спине.

— Лариса, — спросил он. — А что на самом деле происходит во время Удаления? Куда ушел Роберто?

Она пожала плечами:

— Не знаю. Наверное, никто не знает, кроме членов Комитета. Он просто поклонился, а потом, как это всегда бывает, прошел в особую дверь в Комнате Удаления. Но какое лицо у него было! Абсолютное счастье!

Джонас улыбнулся.

— Жаль, что я этого не видел.

Лариса нахмурилась.

— Не понимаю, почему детям нельзя приходить. Мало места, я думаю. Надо бы им расширить Комнату Удаления.

— Надо предложить это Комитету. Может, они возьмут вопрос на обсуждение — пошутил Джонас, и Лариса рассмеялась.

— Точно, — фыркнула она, и Джонас помог ей вылезти из ванной.

Обычно по утрам, когда члены Семейной Ячейки пересказывали друг другу сны, Джонас почти ничего не говорил. Он редко видел сны. Иногда, проснувшись, он вспоминал какие-то обрывки сна, но никогда не мог сложить их воедино, чтобы получился связный рассказ. Но этим утром все было по-другому. Этот сон он помнил очень живо.

Он в задумчивости слушал, как Лили излагает длинный сон. На этот раз — страшный. Ей приснилось, что она едет на велосипеде Матери и ее ловят Охранники.

Все внимательно выслушали Лили, а потом обсудили, какое предупреждение содержится в ее сне.

— Спасибо за сон, Лили, — Джонас машинально произнес стандартную фразу и постарался сосредоточиться на рассказе Матери, которой приснилось, что ей сделали выговор за нарушение Правила, которого она не понимала.

Все вместе они решили, что этот сон — отголосок истории с тем человеком, которого наказали за повторное нарушение основных Правил.

Отец сказал, что ему ничего не приснилось.

— Гейб? — Отец посмотрел в корзинку, где малыш булькал после кормления, готовый к отправке в Воспитательный Центр.

Все засмеялись. Пересказ Снов начинается с Трех. Видели ли сны Младенцы, никто не знал.

— Джонас? — спросила Мать.

Родители всегда его спрашивали, хотя и знали, что Джонасу сны снятся редко.

— Да, я видел сон этой ночью, — Джонас нахмурился и выпрямился на стуле.

— Отлично, — сказал Отец. — Расскажи нам.

— Все было довольно расплывчато, — начал Джонас, стараясь как можно более точно воспроизвести странный сон. — Кажется, я был в ванной комнате Дома Старых.

— Ты вчера там работал, да? — спросил Отец.

Джонас кивнул.

— Но она была не такая, как обычно. Во сне была ванна. Но только одна. А в настоящей ванной комнате их полным-полно. Там было влажно и тепло. И я снял форму, но не надел халат. Грудь у меня была голая. И я

вспотел, было очень жарко. И там, как и вчера, была Фиона.

— И Эшер? — спросила Мать.

Джонас помотал головой.

— Нет, только я и Фиона, больше никого. Мы стояли возле ванной. Она смеялась. А я нет. Я немного злился на нее во сне, потому что она не принимала мои слова всерьез.

— Какие слова? — спросила Лили.

Джонас уставился в тарелку. По какой-то непонятной причине он смутился.

— Кажется, я пытался убедить ее залезть в ванну.

Он замолк. Он знал, что нужно рассказать сон до конца, что он должен это сделать. Так что заставил себя перейти к самой сложной части сна.

— Я хотел, чтобы она сняла одежду и залезла в ванну, — быстро сказал Джонас. — Я хотел ее искупать. У меня в руках даже была губка. Но она не хотела. Она смеялась и говорила «нет».

Он посмотрел на родителей.

— Вот и все.

— Ты можешь описать самое сильное чувство, которое испытывал во сне? — спросил Отец.

Джонас задумался. Во сне все было нечетким и мутным, но чувства были сильными и накатывали снова, когда он об этом думал.

— Желание, — сказал он. — Я знал, что она этого не сделает. И, кажется, знал, что она не должна этого делать. Но я так сильно этого хотел. Очень сильно.

— Спасибо за сон, Джонас, — чуть погодя сказала Мать и взглянула на Отца.

— Лили, — позвал Отец. — Пора в школу. Проводишь меня до Центра? Нужно присмотреть за малышом — он крутится в корзинке и может упасть.

Джонас встал, чтобы собрать учебники. Ему показалось странным, что его сон не обсуждали и сразу перешли к благодарности. Может, родителям было так же неловко, как ему.

— Погоди, Джонас, — ласково сказала Мать. — Я дам тебе записку для Инструктора, чтобы тебе не пришлось извиняться за опоздание.

Джонас сел на место, озадаченно глядя на Мать. Он помахал Лили и Отцу, которые ушли и унесли в корзинке Гейба. Мать собрала остатки еды и поставила поднос у двери — потом его заберут Уборщики.

Наконец она села рядом с ним.

— Джонас, — улыбнулась Мать, — чувство, которое ты испытал во

сне, называется Возбуждением. Мы с Отцом знали, что скоро это с тобой произойдет. Это случается со всеми. Это произошло с Отцом, когда он был в твоём возрасте. Со мной. Однажды это произойдет и с Лили. И очень часто, это начинается во сне.

Возбуждение. Он уже слышал это слово. Оно точно было в Книге Правил, но он не помнил, где именно. И время от времени оно звучало из громкоговорителей: «ВНИМАНИЕ. НАПОМИНАНИЕ. СЛЕДУЕТ СООБЩАТЬ О ВОЗБУЖДЕНИИ, ЧТОБЫ ПОЛУЧИТЬ СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ЛЕЧЕНИЕ».

Джонас всегда пропускать мимо ушей это объявление, потому что не понимал, о чём речь, и не думал, что это имеет к нему отношение. Он, как и многие другие члены коммуны, часто не обращал внимания на объявления и приказы Диктора.

— Мне надо сообщить об этом? — спросил он Мать.

Она рассмеялась:

— Ты уже это сделал, рассказав свой сон. Этого достаточно.

— А как же лечение? Диктор говорил, что должно быть лечение.

Джонас расстроился. На носу Церемония, его Церемония Двенадцатилетних, а ему придётся отправляться куда-то на лечение. И все из-за какого-то дурацкого сна?

Но Мать опять рассмеялась и успокоила его:

— Не волнуйся. Тебе просто пора принимать таблетки, вот и все. Это и есть лечение.

Джонасу полегчало. Он знал про таблетки. Родители принимали их каждое утро. И некоторые его друзья тоже. Например, Эшер. Однажды, когда они вместе ехали в школу, Отец Эшера крикнул им вслед: «Эшер, ты забыл принять таблетки!» Эшер для виду поворчал, развернулся и поехал домой. Джонас его дождался, но спрашивать ничего не стал.

Про такие вещи у друзей спрашивать не принято, ведь это будет разговором об отличиях, а значит, возможно, грубостью. Эшер пил таблетки каждое утро, Джонас — нет. Всегда лучше говорить про то, что у вас одинаковое.

Мать протянула Джонасу таблетку.

— И все? — спросил он.

— И все, — сказала Мать, ставя коробочку на полку. — Но ты не должен забывать про лекарство. Я буду напоминать тебе первое время, а потом ты должен будешь следить за этим сам. Если забудешь, Возбуждение вернется. И странные сны тоже. Иногда дозу приходится корректировать.

— Эшер принимает таблетки, — сообщил Джонас.

Мать не удивилась.

— Я думаю, многие твои одноклассники тоже. По крайней мере, мужского пола. Скоро и все начнут принимать. И мужского пола, и женского.

— Как долго их нужно принимать?

— Пока не попадешь в Дом Старых. Всю взрослую жизнь. Но скоро это войдет в привычку, и ты будешь принимать их, не задумываясь.

Мать посмотрела на часы.

— Если поторопишься, успеешь в школу. И спасибо еще раз за сон, Джонас, — сказала Мать на прощание.

Крутя педали, Джонас вдруг почувствовал гордость: он присоединился к принимающим таблетки. На мгновение опять вспомнил сон. Неловкий, странный, но приятный. Джонасу нравилось чувство, которое он испытывал и которое его Мать назвала Возбуждением. Он чувствовал это, просыпаясь. И хотел бы почувствовать еще раз.

Но так же, как пропал из виду его дом, когда он повернул на велосипеде за угол, исчез и сон. Он попытался вернуть его, но чувство исчезло. Возбуждение ушло.

— Лили, пожалуйста, стой спокойно! — в очередной раз попросила Мать.

Лили продолжала вертеться.

— Я сама могу их заплести! — ныла она. — Я всегда сама их заплетаю!

— Я знаю, — ответила Мать, вплетая ленты в косички Лили. — А еще я знаю, что потом они расплетаются и полдня ты ходишь лохматой. Хотя бы сегодня ленты должны быть завязаны аккуратно.

— Мне не нравятся ленты для волос. Хорошо, что мне осталось их носить всего два года, — раздраженно пробормотала Лили. — А через год мне дадут велосипед! — уже более радостно добавила она.

— Каждый год происходит что-то хорошее, — напомнил ей Джонас. — В этом году у тебя начнутся часы добровольной работы. А в прошлом году, помнишь, как ты радовалась, когда тебе выдали форму с пуговицами спереди?

Девочка улыбнулась и посмотрела на свой пиджак с крупными пуговицами, знак того, что ей Семь. Четырехлетние, Пятилетние и Шестилетние носили форму, которая застегивалась сзади, так что им приходилось помогать друг другу одеваться — так они приучались к взаимозависимости.

Пиджак с пуговицами спереди — первый знак независимости, первое заметное свидетельство взросления. Велосипед, который Лили получит в Девять, будет символом движения — от детства в Семейной Ячейке к взрослой жизни в коммуне.

Лили все-таки вывернулась из рук Матери.

— А ты в этом году получишь Назначение! — возбужденно сказала она Джонасу. — Хорошо бы тебя назначили Пилотом. И ты тогда меня возьмешь в полет!

— Конечно возьму, — сказал Джонас. — А еще я возьму для тебя маленький парашют, и когда мы поднимемся на пять тысяч метров, я открою дверь и...

— Джонас! — одернула его Мать.

— Да ладно, я пошутил. Я все равно не хочу быть Пилотом. Если получу такое Назначение, подам апелляцию.

— Иди сюда, — сказала Мать Лили и еще потуже затянула ей

ленты. — Джонас, ты готов? Таблетку принял? Я хочу занять хорошие места в Лектории.

Она подтолкнула Лили к двери. Джонас вышел за ними.

До Лектория было недалеко. Всю дорогу Лили махала друзьям с багажника материнского велосипеда. Когда они доехали, Джонас поставил свой велосипед рядом с другими и отправился искать одноклассников.

В такой толпе это было непросто — на Церемонию собиралась вся коммуна. Родителям давали два дня выходных — они все вместе занимали одну огромную секцию зала. Дети сидели отдельно — по группам. На сцену их вызывали по одному.

Отец, правда, не сразу займет свое место рядом с Матерью. Во время первой Церемонии Называния Воспитатели должны выносить Младенцев на сцену. Со своего места Джонас пытался увидеть Отца. Найти его секцию было совсем несложно — оттуда доносились вопли Младенцев, беспокойно вертевшихся на руках Воспитателей. Во время всех остальных публичных церемоний люди в зале сидели тихо и спокойно, и лишь раз в году все с улыбкой наблюдали за суетой вокруг новорожденных, готовящихся получить имя и родителей.

Джонас наконец нашел взглядом Отца, который держал на коленях какого-то малыша, и помахал ему. Тот улыбнулся, потом поднял своей рукой ручку ребенка и помахал Джонасу в ответ.

Но это был не Гэбриэл. Сегодня Гэбриэл был в Воспитательном Центре с Ночными Воспитателями. Комитет специальным указом дал ему дополнительный год на воспитание, прежде чем он будет назван и определен в Семейную Ячейку. Гэбриэлу не удалось ни набрать вес, ни научиться спокойно спать по ночам. Обычно таких Младенцев называли Неполноценными и удаляли.

Вместо этого, по просьбе Отца, Гэбриэла сочли Неопределенным и дали ему еще год. Он будет по-прежнему проводить дни в Воспитательном Центре, а ночи — с Семейной Ячейкой Джонаса. Каждый член ячейки подписал заявление, в котором говорилось, что они обязуются не привязываться к временному гостю и без возражений отдадут его другой Семейной Ячейке во время следующей Церемонии.

— Что ж, — думал Джонас, — когда в следующем году его отдадут другой Семейной Ячейке, мы все равно будем с ним видеться, ведь он будет частью коммуны. Если бы его удалили, мы бы его больше не увидели. Никогда.

Те, кого удаляли, — даже Младенцы, отправлялись в Другое Место и никогда не возвращались в коммуну.

В этом году Отцу никого не пришлось удалять, и Гэбриэл мог бы стать его единственной неудачей. Но и Джонас, хотя он не возился с ребенком, как Лили и Отец, был рад, что Гэбриэла оставили.

Первая Церемония началась вовремя, и Джонас смотрел, как Младенцы — один за другим получали имя и Семейную Ячейку. Для кого-то они становились первыми детьми. Но часто Семейная Ячейка поднималась на сцену с ребенком — сияющим от предвкушения получить маленького брата или сестру, как сиял и Джонас, когда ему было Пять.

Эшер ткнул Джонаса в бок.

— Помнишь, как мы получили Филиппу? — спросил он громким шепотом.

Джонас кивнул. Это было в прошлом году. Родители Эшера очень долго не подавали прошения на второго ребенка. Джонас подозревал, что им было так трудно справляться с непоседой-Эшером, что они просто тянули время.

Двое из их группы, Фиона и другая девочка, Теа, тоже получали в этом году ребенка и сидели с родителями. Но такая разница в возрасте детей встречалась редко.

Когда Церемония получения детей закончилась, Фиона заняла свое место в ряду перед Эшером и Джонасом.

— Он очень милый, — шепнула Фиона, обернувшись. — Только имя мне не нравится.

Нового брата Фионы назвали Бруно. Это конечно, не такое замечательное имя, как, скажем, Гэбриэл, подумал Джонас, но тоже ничего.

Аплодисменты публики, которые и так сопровождали каждое Называние, стали просто оглушительными, когда одна из пар, светясь от гордости, получила ребенка по имени Калев.

Этот новый Калев был ребенком-заменой. Его родители потеряли своего первого Калеба, когда тому было Четыре. Гибель ребенка случалась очень-очень редко. Жизнь в коммуне была исключительно безопасной, каждый считал своим долгом опекать всех детей. И тем не менее Калев ухитрился остаться без присмотра и добраться до реки. Он утонул. Вся коммуна исполнила Церемонию Потери. Целый день они произносили имя Калеба, все реже и тише, пока к концу этого печального и такого длинного дня не затихли совсем, и вместе с именем постепенно исчез из их сознания сам маленький Калев.

Теперь, на этом особом Назывании, коммуна исполняла Церемонию Замены, произнося это имя впервые со дня потери: сперва тихо и медленно, а затем все громче и быстрее. Калев спал на руках у Родителей, которые так

и стояли на сцене. И казалось, что тот, первый Калев вернулся.

Другого новорожденного назвали Роберто, и Джонас вспомнил, что Старого Роберто удалили совсем недавно — на прошлой неделе. Но никакой Церемонии Замены не было. Удаление и Потеря — разные вещи.

Он честно отсидел Церемонии Двухлетних, Трехлетних и Четырехлетних, как и каждый год, ужасно скучных. Затем перерыв на обед — его подавали на улице — и снова на место, смотреть на Пятилетних, Шестилетних, Семилетних и, наконец, на последнюю в этот день Церемонию Восемилетних.

Джонас с улыбкой смотрел, как Лили гордо шагала к сцене, как она стала Восемилетней и получила соответствующую форму. На пиджаке, который она будет носить весь этот год, были маленькие пуговицы и, впервые, карманы — знак того, что она уже может сама следить за своими вещами. Лили с торжественным видом прослушала строгий свод правил и обязанностей для Восемилетних, в который входили и часы добровольной работы. Но Джонас видел, что сестра, хоть и кажется сосредоточенной, мечтательно глядит на ряды блестящих велосипедов, которые завтра утром вручат Девятилетним.

«Еще год, Лили-Били», — подумал Джонас.

Все очень устали, и даже Гэбриэл, которого Отец принес из Воспитательного Центра, всю ночь спал спокойно.

И вот наконец наступил день Церемонии Двенадцатилетних.

Теперь Отец сидел в зале рядом с Матерью. Джонас видел, что они, как и положено, хлопают Девятилетним, которые один за другим спускались со сцены — каждый со своим велосипедом, на каждом велосипеде — блестящая табличка с именем.

Джонасу и его родителям не очень-то понравилось, когда Фриц, их сосед по дому, получив велосипед, немедленно врезался в трибуну. Фриц был ужасно нелепым и рассеянным ребенком, его постоянно отчитывали. Провинности его были не такими уж серьезными — ботинки не на ту ногу, ошибки в классной работе, неудачный диктант. Но каждая такая ошибка свидетельствовала о невнимательности родителей и нарушала порядок и успешность всей коммуны. Джонас и его родители опасались, что новообретенный велосипед, скорее всего, будет постоянно валяться на дороге у их дома.

Наконец Девятилетние вернулись на свои места — велосипеды они вывели на улицу и аккуратно поставили возле Лектория, чтобы забрать их вечером. Обычно все подтрунивали над Девятилетними, возвращавшимися

домой. «Хочешь, покажу, как ехать? — кричали им друзья постарше. — Ты же в первый раз на велосипеде!» Но улыбающиеся Девятилетние, которые, нарушая Правила, неделями тайно тренировались, невозмутимо крутили педали, ни на секунду не теряя равновесие, так что дополнительная пара колес никогда не касалась земли.

Следующими были Десятилетние. Довольно скучная Церемония — Джонас считал ее пустой тратой времени. Все сидели и смотрели, как детям делают положенные по возрасту стрижки. Девочкам отрезали косы, а мальчикам — длинные детские пряди, теперь у них будет более строгая короткая прическа с открытыми ушами.

Рабочие поднялись на сцену и быстро ее подмели. Джонас видел, как переговариваются родители Десятилетних. Он знал, что вечером во многих домах коммуны детям будут подравнивать наспех состриженные волосы.

Одиннадцатилетние. Кажется, его Церемония Одиннадцатилетних была совсем недавно, подумал Джонас. Но она тоже была не очень интересной. В Одиннадцать ты просто ждешь, пока тебе будет Двенадцать. Церемония просто обозначает течение времени, никаких особых изменений. Выдают новую одежду — другое нижнее белье для девочек, чьи тела начали меняться, брюки подлиннее — для мальчиков. На брюках есть особый кармашек для калькулятора, необходимого в этом учебном году. Вещи выдают упакованными и никаких напутственных речей не произносят.

Перерыв на обед. Джонас понял, что проголодался. Вместе со своими одноклассниками они собрались у столов возле Лектория и взяли свои свертки с едой. Вчера на обеде было гораздо веселее — все шутили и поддразнивали друг друга. Но сегодня их группа стояла отдельно от всех. Джонас смотрел, как Девятилетние вертятся вокруг своих новеньких велосипедов, гордо показывая друг другу таблички с именами. Как Десятилетние теребят остриженные волосы. Девочки мотали головами, удивляясь необычной легкости — ведь они столько лет носили тяжелые косы.

— Я слышал про одного парня, который был уверен, что получит Назначение Инженером, — понизив голос, сказал Эшер. — А ему вместо этого дали Санитара. На следующий же день он отправился к реке, переплыл ее и присоединился к другой коммуне. И больше его никто не видел.

Джонас расхохотался.

— Это все выдумки, Эш. Мой Отец слышал ту же самую историю, когда сам был Двенадцатилетним.

Но Эшера это не убедило. Он смотрел на изгиб реки за Лекторием.

— Я все равно плавать почти не умею. Мой тренер говорит, что я плохо держусь за воду.

— На воде, — поправил Джонас.

— Да неважно. Все равно у меня не получается. Я просто утону.

— Скажи, а ты знаешь о ком-нибудь, кто бы на самом деле ушел в другую коммуну? Я имею в виду, не просто слышал какую-то историю, а знаешь точно?

— Нет, — неохотно признал Эшер. — Но это возможно. Это написано в Правилах. Если ты не встраиваешься в коммуну, ты можешь подать прошение, чтобы тебя отправили в Другое Место, и тебя удалят. Моя Мать говорила, что однажды, десять лет назад, один человек подал такое прошение, и уже на следующий день его здесь не было. — Эшер усмехнулся. — Она мне это сказала, потому что я ее довел. Грозилась тоже подать такое прошение.

— Она пошутила.

— Знаю. Но это было на самом деле — с тем человеком. Мать сказала, что это правда. Сегодня здесь, а завтра — в Другом Месте. Навсегда. И без церемонии Удаления.

Джонас пожал плечами. Как можно не встроиться в коммуну? Ведь здесь все так продумано, каждому отведено свое место.

Даже Подбор Супругов обдумывается так долго и серьезно, что подавший соответствующее прошение взрослый может ждать решения месяцами, а то и годами, пока будет объявлено, что Подбор завершен. Учитывается все — характер, темперамент, интеллектуальный уровень, интересы. Все эти черты должны либо совпадать, либо дополнять друг друга. Вот Мать Джонаса умнее его Отца, зато Отец гораздо спокойнее. Они уравнивают друг друга. Не меньше трех лет Старейшины наблюдают за супругами, и только убедившись, что Подбор был сделан правильно, разрешают им подавать прошение на ребенка. Брак родителей Джонаса был как раз таким — правильным.

Подбор Супругов, выбор имени и родителей для ребенка, а также Назначения тщательно обдумывали Старейшины. И Джонас не сомневался, что его Назначение, каким бы оно ни было, равно как и Назначение Эшера, будет правильным. Теперь он только мечтал, чтобы обед поскорее закончился, и все уже зашли обратно в Лекторий, и можно было уже не ждать и не думать про это.

Будто в ответ на его невысказанное желание прозвучал сигнал, и толпа двинулась к дверям.

Теперь Джонас и его одноклассники заняли в Лектории другие места — прямо перед сценой, до перерыва на них сидели новые Одиннадцатилетние.

Они расселись по порядку — в соответствии с номерами, полученными при рождении. Детей редко звали по номерам. Но каждый, конечно, знал свой номер. Иногда родители, рассердившись на ребенка, называли его по номеру — подчеркивая таким образом, что человек, ведущий себя так плохо, не заслуживает имени. Джонас то и дело слышал, как какой-нибудь взрослый прикрикивал на расшалившегося малыша: «Прекрати, Двадцать Третий!»

Джонас — Девятнадцатый. Это значит, что в год своего рождения он появился на свет девятнадцатым. То есть к Церемонии Называния он уже встал на ноги, а вскоре после нее начал ходить и говорить. Первые пару лет это давало ему небольшое преимущество перед одноклассниками, которые родились в тот же год, но на несколько месяцев позже него. Но, как это всегда и бывает, к Трех различия уже стерлись.

После Трех все дети развивались с более или менее одинаковой скоростью, но по номеру всегда можно было определить, кто на несколько месяцев старше. Полный номер Джонаса — Девятнадцатый Одиннадцатилетний, в других возрастных группах, естественно, тоже были Девятнадцатые. И вот сегодня, с появлением новой группы Одиннадцатилетних, Девятнадцатых Одиннадцатилетних ненадолго оказалось двое. Во время обеда Джонас поприветствовал свою «тезку» — скромную девочку по имени Харриет.

Но это только на несколько часов — скоро Джонас перестанет быть Одиннадцатилетним. Он станет Двенадцатилетним, и с этого момента возраст уже не будет важен. Он станет взрослым, как его родители, новым и необученным взрослым.

Эшер был Четвертым и сидел ближе к сцене.

Фиона, Восемнадцатая, сидела слева от Джонаса — справа был Двадцатый, Пьер, которого Джонас недолюбливал. Пьер был слишком серьезным и нудным и к тому же часто ябедничал. «Ты сверялся с Правилами, Джонас? — всегда шептал Пьер. — Я не уверен, что ты их сейчас не нарушаешь». Обычно это касалось какой-нибудь ерунды, о которой никто, кроме Пьера, не беспокоился, — расстегнутой в теплый

день формы, пары кругов на чужом велосипеде.

Приветственную речь произносила Главная Старейшина — лидер коммуны, которого выбирали каждые десять лет. Речь почти ничем не отличалась от прошлогодней. Она говорила, что, готовясь к взрослой жизни, нужно помнить о детском опыте, что взрослая жизнь предполагает огромную ответственность, что Назначение — это очень важно, что всех Двенадцатилетних ждет серьезный этап обучения.

Затем Главная Старейшина обратилась прямо к Джонасу и его одноклассникам:

— Сегодня мы будем говорить об отличиях. Вы, Одиннадцатилетние, до сегодняшнего дня учились встраиваться в коммуну, вы старались вести себя так же, как остальные, вы подавляли любое желание поступать иначе, чем все. Но сегодня мы признаем и цествуем ваши особенности. Те, что определили ваше будущее.

Она начала рассказывать про всю группу — про личные особенности каждого из детей, никого не называя по имени. Она упомянула того, кто любит новорожденных, и того, кто обладает выдающимися способностями в области науки, того, кто любит заботиться о людях, и того, кто предпочитает физический труд. Джонас ерзал на стуле, пытаясь определить, про кого конкретно она сейчас рассказывает. Уход за людьми — это, конечно, про Фиону, подумал Джонас, вспомнив, как ласково она обращается со Старыми. Способности к науке — скорее всего, про Бенджамина, который придумал новые приспособления для Центра Реабилитации.

Но Джонас не услышал ничего, что могло бы относиться к нему самому.

Главная Старейшина поблагодарила Комитет Старейшин, который весь год усердно наблюдал за Одиннадцатилетними. Аудитория поприветствовала членов Комитета аплодисментами. Джонас заметил, что Эшер зевнул, прикрыв рот ладонью.

И вот, наконец, Главная Старейшина вызвала на сцену Первую — и Церемония началась.

Каждое объявление Назначения сопровождалось речью, посвященной новому Двенадцатилетнему. Джонас пытался сосредоточиться на улыбающейся Первой, которая уже получила назначение Служительницы Рыбного Инкубатория. Старейшина благодарил Первую за ее детство, за часы добровольной работы в Инкубатории, за то, что она готова посвятить себя столь важному делу, как обеспечение коммуны пищей.

Первая (ее звали Мадлен) вернулась на свое место под аплодисменты

зала. Теперь на ее форме красовался новый значок — Служительница Рыбного Инкубатория. Джонас был очень доволен, что, по крайней мере, это Назначение ему уже не достанется, он бы ему явно не обрадовался. Тем не менее он улыбнулся Мадлен и поздравил ее с Назначением.

Когда Вторая, Инга, получила Назначение Роженицы, Джонас вспомнил слова своей Матери, что быть Роженицей не почетно. И все же он считал, что Комитет сделал правильный выбор. Инга — милая девочка, но довольно ленивая, а вот тело у нее сильное. Ей понравятся три беззаботных года после краткого обучения, она легко родит. А потом, когда она уже станет Рабочей, ей придется использовать свою силу и научиться самодисциплине. Вернувшись на скамейку, Инга улыбалась. Работа Роженицы — важна для коммуны, хотя и не очень престижна.

Джонас заметил, что Эшер очень нервничает. Он вертел головой и все время оглядывался на Джонаса, так что староста группы даже сделал ему замечание, призывая к порядку.

Третий, Исаак, получил Инструктора Шестилетних — заслуженное и обрадовавшее его Назначение. Три Назначения были розданы, и ни одно не подошло бы Джонасу — впрочем, вряд ли бы ему предложили быть Роженицей. Джонас попробовал сообразить, какие Назначения остались, но быстро сдался — слишком много вариантов. В любом случае, ему стало не до того — на сцену вызвали Эшера. Он впился взглядом в своего друга, который неловко поднялся на сцену и встал рядом с Главной Старейшиной.

— Вся наша коммуна знает Эшера и очень им довольна, — начала Главная Старейшина.

Эшер улыбнулся и почесал ногу. По залу прошел смешок.

— Когда Комитет начал подбирать Эшеру Назначение, некоторые, явно неподходящие варианты отпали сразу. Например, — улыбнулась Старейшина, — мы бы точно не попросили Эшера быть Инструктором Трехлетних.

Аудитория зашлась от хохота.

Эшер тоже засмеялся — он выглядел смущенным, но в то же время ему явно нравилось всеобщее внимание. Инструктор Трехлетних отвечал за обучение основам Правильного Употребления Слов.

— Вообще-то, — продолжила Главная Старейшина, — мы даже подумывали о том, чтобы сделать выговор Инструктору, который много лет назад вел группу Эшера, когда тот был Трехлетним. На собрании Комитета, посвященном Эшеру, мы вспомнили много историй про то, как он учился правильно разговаривать. Особенно тот случай с «всыпать» и «насыпать». Помнишь, Эшер?

Эшер уныло кивнул.

Все в зале смеялись. Джонас тоже. Он отлично помнил эту историю, хотя и сам был тогда Трехлетним.

Маленьких детей наказывали с помощью дисциплинарного прута — тонкой гибкой розги, которая больно жалила кожу. Специалистов по Уходу за Детьми тщательно обучали дисциплинарным наказаниям — легкий удар по рукам за первую провинность, три более резких удара по голым ногам за второй проступок.

Бедный Эшер — он всегда говорил слишком быстро и путал слова. Однажды, стоя в очереди за едой во время полдника, Трехлетний Эшер попросил, чтоб хлопья ему «всыпали», а не «насыпали».

Джонас отлично это помнил. И сейчас у него перед глазами стоял маленький Эшер, который с нетерпением ждет своей очереди. Он помнит, как Эшер радостно закричал: «И мне, и мне насыпьте!»

Остальные Трехлетние, и Джонас тоже, нервно засмеялись. «Насыпьте, — поправили они Эшера. — Ты хотел сказать "насыпьте"».

Но ошибка уже была сделана. А говорить правильно для детей коммуны очень важно. Эшер попросил, чтобы ему «всыпали».

Дисциплинарный прут Воспитателя со свистом опустился на руки Эшера. Эшер ойкнул, скривился и немедленно исправил ошибку. «Насыпьте», — прошептал он.

Но на следующий день история повторилась. И через неделю тоже. Он как будто не мог остановиться, хотя за каждый промах получал удар розгой, только уже не один, а несколько резких ударов, оставлявших на голых ногах Эшера яркие незаживающие царапины. В конце концов Трехлетний Эшер просто перестал разговаривать.

— Ненадолго, — продолжила рассказ Старейшина, — мы получили тихого Эшера! Но он учился. — Она повернулась к Эшеру и улыбнулась. — Когда он опять заговорил, его речь была гораздо более правильной. Сейчас Эшер редко ошибается. Он всегда поправляет себя и вовремя приносит извинения. И никогда не унывает.

Зал одобрительно зашумел. Эшер славился в коммуне своим веселым характером.

— Эшер, — Стрейшина повысила голос для официального объявления, — мы выбрали для тебя Назначение Директора Зоны Отдыха.

Она прикрепила к его форме новый значок. Сияющий Эшер сошел со сцены. Зал хлопал. Когда Эшер занял свое место, Старейшина посмотрела на него и произнесла слова, которые произносила уже трижды до этого, умудряясь каждый раз вкладывать в них особое значение.

— Эшер, — сказала она, — мы благодарим тебя за твое детство.

Церемония продолжалась. Джонас внимательно смотрел и слушал. Он очень волновался за Эшера и был рад, что ему досталось такое прекрасное Назначение. Но с приближением своей очереди он нервничал все сильнее. Двенадцатилетние в переднем ряду все уже получили новые значки. Они все время их теребили, и Джонас знал, что каждый думал о предстоящем Обучении. Некоторых из них — прилежного мальчика, назначенного Врачом, двух девочек, назначенных Инженером и Юристом, — ждут годы занятий и упорного труда. Для других, Рабочих и Рожениц, период обучения будет гораздо короче.

На сцену вызвали номер Восемнадцать, его соседку по скамейке, Фиону. Джонас знал, что она волнуется, но с виду Фиона была невозмутима. Всю Церемонию она просидела очень спокойно. Под столь же спокойные аплодисменты Фиона получила Назначение Специалиста по Уходу за Старыми. Идеальное Назначение для такой чувствительной, ласковой девочки. С удовлетворенной улыбкой Фиона заняла свое место рядом с Джонасом.

Джонас приготовился выйти на сцену. Аплодисменты уже стихли, и Главная Старейшина взяла в руки папку со следующим именем. Теперь, когда настала его очередь, Джонас совершенно успокоился. Он глубоко вздохнул и пригладил волосы.

— Двадцатый, — четко выговорила Старейшина. — Пьер.

«Она меня пропустила!» — остолбенел Джонас. Может, он не расслышал? Нет. По рядам прошел удивленный шепот, и Джонас понял: вся коммуна заметила, что Старейшина перешла от Восемнадцатого прямо к Двадцатому, пропустив его. Справа от него сбитый с толку Пьер встал, чтобы пройти на сцену.

Ошибка. Она ошиблась. Но Джонас знал, что это невозможно. Главная Старейшина не ошибалась. И уж точно она не могла сделать ошибку на Церемонии Двенадцатилетних.

У Джонаса закружилась голова. Он не мог сосредоточиться и даже не разобрал, какое Назначение получил Пьер. Как в тумане Джонас слышал аплодисменты, видел, что Пьер вернулся на свое место с новым значком на груди.

— Двадцать Первый.

— Двадцать Второй.

Детей вызывали по порядку. Ошеломленный Джонас сидел, не в силах пошевеливаться, пока на сцену выходили Тридцатые, затем Сороковые, все

ближе и ближе к концу.

Каждый раз, во время каждого Назначения, у Джонаса екало сердце, и он снова задавал себе одни и те же вопросы. Может, сейчас она его вызовет? Может, он забыл свой номер? Нет, он всегда был Девятнадцатым. И сидел на месте под этим номером.

Но она его пропустила! Одногоруппники поглядывали на него, стараясь не встречаться с ним глазами. Староста сидел с вытянутым лицом.

Джонас сгорбился, стараясь занять на скамейке как можно меньше места. Он хотел бы испариться, исчезнуть, как будто его никогда и не было. Он не смел обернуться и найти в толпе своих родителей, увидеть их лица, потемневшие от стыда. Он не выдержал бы этого зрелища.

Джонас опустил голову. Что я сделал не так?

Аудитория нервничала. Все похлопали последнему Двенадцатилетнему, но как-то неуверенно, это не было обычным крещендо всеобщего энтузиазма. В зале беспокойно шептались.

Джонас тоже хлопал, машинально соединяя ладони и даже не отдавая себе в этом отчета. Все, что он чувствовал раньше — предвкушение, волнение, гордость и чувство общности со своими друзьями, все ушло. Теперь он испытывал только унижение и ужас.

Главная Старейшина подождала, пока сойдут на нет последние редкие хлопки. Затем она заговорила.

— Я знаю, — сказала Старейшина своим обычным звучным и приятным голосом, — что вы недоумеваете. Вы думаете, что я ошиблась.

Она улыбнулась.

В зале стояла тишина. Члены коммуны, только отчасти успокоенные ее словами, внимательно слушали. Джонас поднял голову.

— Я заставила вас нервничать, — продолжила Старейшина. — Я приношу извинения своей коммуне.

Ее голос плыл над затихшей толпой.

— Мы принимаем ваши извинения, — слаженно ответил зал.

— Джонас, — теперь Старейшина смотрела прямо на него. — Тебе я приношу отдельные извинения. Я заставила тебя страдать.

— Я принимаю ваши извинения, — дрожащим голосом сказал Джонас.

— Пожалуйста, поднимись на сцену.

Еще утром, одеваясь, Джонас представлял себе этот момент. Как он выйдет, уверенным, четким шагом взойдет на сцену... все это было забыто. Он с трудом заставил себя встать, еле передвигая отяжелевшие ноги, ступенька за ступенькой поднялся на сцену и встал рядом со Старейшиной.

Она приобняла его за плечи.

— Джонас не был назначен, — сообщила Старейшина, и у Джонаса потемнело в глазах.

Но она продолжила:

— Он был избран.

Джонас моргнул. Что это значит? Люди в зале вопросительно смотрели на Старейшину. Джонас тоже был озадачен.

Твердым властным голосом Старейшина объявила:

— Джонас был избран следующим Принимающим Воспоминания.

Он услышал, как люди в зале ахнули — от неожиданности и изумления. Все разом. Он видел их лица, их расширенные глаза. Но по-прежнему ничего не понимал.

— Это случается очень, очень редко, — сказала Старейшина. — В нашей коммуне только один Принимающий. Он прослужил много лет и теперь сам обучит своего преемника.

Джонас проследил за ее взглядом. Она смотрела на Старейшин. Точнее, на одного из них — бородатого старика со светлыми глазами, который сидел в самой середине, но при этом почему-то казалось — отдельно от всех. Джонас никогда раньше его не видел. Старик пристально смотрел на Джонаса.

— В прошлый раз мы ошиблись, — торжественно продолжила Главная Старейшина. — Десять лет назад, когда Джонас был еще совсем маленьким, мы сделали неправильный выбор. Сейчас я не буду возвращаться к этой истории, нам всем тяжело об этом вспоминать.

Джонас не знал, о чем идет речь, но почувствовал, что люди в зале занервничали.

— На этот раз у нас не было права на ошибку, — сказала Старейшина, — мы не могли себе этого позволить.

— Иногда, — продолжила Старейшина более непринужденно, снимая напряжение аудитории, — мы не до конца уверены в правильности выбранного Назначения, как бы серьезно и внимательно мы ни относились к Распределению. Иногда мы волнуемся, что человек так и не выработает все необходимые для его Назначения качества. Одиннадцатилетние все же еще дети. То, что мы принимаем в этом возрасте за веселый нрав и терпение — качества, необходимые Воспитателю, с годами может обернуться дурашливостью и ленью. Так что мы продолжаем наблюдать за этими детьми во время обучения, чтобы иметь возможность скорректировать их поведение. Но за обучением Принимающего наблюдать нельзя, и корректировать его невозможно. Это ясно говорится в Правилах. Он должен быть один, отдельно от всех, все то время, что наставник готовит его к самой почетной работе в нашей коммуне.

Один? Отдельно от всех? Джонас слушал со все возрастающим беспокойством.

— Так что выбор должен быть продуманным, единодушным решением всех Старейшин. Не должно быть никаких сомнений, даже самых незначительных. Если в процессе избрания появится даже тень сомнения, этого достаточно, чтобы отказаться от кандидатуры. Джонаса определили

как возможного Принимающего много лет назад. Мы наблюдали за ним самым пристальным образом, но никаких сомнений так и не возникло. Он продемонстрировал наличие всех необходимых для Принимающего качеств.

По-прежнему держа руку на плече Джонаса, Старейшина начала перечислять.

— Ум. Мы знаем, что Джонас всегда был лучшим учеником в классе.

Честность. Джонас, как и все мы, допускал промахи. Но мы всегда надеялись, что он сразу же явится для наказания, и он всегда так и делал.

Мужество, — продолжила Старейшина. — Лишь один из нас прошел когда-то Обучение, необходимое Принимающему. Это нынешний Принимающий. Именно он снова и снова напоминал нам о том, что мужество необходимо.

Джонас, — повернулась к нему Старейшина, — в процессе Обучения ты будешь испытывать боль. Физическую боль.

Джонасу стало страшно.

— Ты никогда не испытывал ничего подобного. Конечно, ты разбивал коленки, когда падал с велосипеда. Да, ты прищемил палец дверью в прошлом году.

Джонас кивнул, вспомнив об этом неприятном случае.

— Но то, с чем ты столкнешься сейчас, — объяснила она, — боль настолько сильная, что никто из нас даже не может себе ее представить. Никто из нас не испытывал ничего подобного. Даже сам Принимающий не может описать ее, только еще раз напоминает, что для этого испытания тебе понадобится мужество. Мы не можем подготовить тебя к этому. Но мы уверены в тебе, мы знаем, какой ты храбрый.

Сейчас Джонас совсем не чувствовал себя храбрым. Ни капельки.

— Четвертое важнейшее качество, — сказала Старейшина, — это мудрость. Джонас пока им не обладает. Мудрость придет в процессе Обучения, мы уверены. Наконец, Принимающий должен иметь еще одно качество, и его я могу только назвать, но не описать. Я не понимаю, что это. И вы, члены коммуны, не поймете тоже. Может быть, поймет Джонас, потому что нынешний Принимающий уверен, что у Джонаса это есть. Он называет это Способностью Видеть Дальше.

Главная Старейшина вопросительно посмотрела на Джонаса. Все смотрели на него. Повисла тишина.

Джонаса охватило отчаяние. Он не умел делать того, о чем говорила Старейшина, что бы это ни было. Он не знал, что это. И сейчас ему придется в этом признаться, сказать «нет, я не могу», умолять Комитет о

прощении за то, что он оказался не тем, кем они его считали.

Но когда он посмотрел на толпу, на это море лиц, что-то произошло. То же самое, что случилось с яблоком. Лица изменились.

Он моргнул, и все стало прежним. Джонас приободрился — теперь он почувствовал себя немного увереннее.

Старейшина по-прежнему на него смотрела. Как и все остальные.

— Да, я думаю, это правда, — сказал Джонас Старейшине и всем членам коммуны. — Я пока сам не понимаю, что это. Но иногда я кое-что вижу. И возможно, это действительно Дальше.

Старейшина сняла руку с его плеча.

— Джонас, — сказала она, обращаясь не только к нему, но и ко всей коммуне. — Ты пройдешь курс обучения и станешь нашим следующим Принимающим Воспоминания. Мы благодарим тебя за твое детство.

Затем она повернулась и ушла со сцены. Джонас стоял один и смотрел в зал. Внезапно все начали хором выпевать его имя.

— Джонас, — вначале еле слышным шепотом. — Джонас... Джонас...

Затем все громче, быстрее.

— ДЖОНАС. ДЖОНАС. ДЖОНАС.

Джонас знал, что этим пением коммуна принимает его и его новую роль, дает ему жизнь, как до этого дала младенцу Калебу. Его сердце наполнилось благодарностью и гордостью.

Но в то же время и страхом. Он не понимал, кем его избрали. Он не знал, кем он должен стать.

И что с ним станется.

Впервые за двенадцать лет Джонас чувствовал себя не таким, как все. Он помнил, что сказала Главная Старейшина про его обучение: один, отдельно от всех.

Обучение еще даже не началось, но, уже покидая Лекторий, он почувствовал это. Сжимая в руках папку, которую дала ему Старейшина, Джонас пробирался сквозь толпу, оглядываясь в поисках родителей и Эшера. Люди его сторонились, ему даже казалось, что он слышит, как они перешептываются.

— Эш! — крикнул Джонас, заметив друга рядом с велосипедной стоянкой. — Поехали вместе!

— Давай.

Эшер приветливо улыбнулся — Джонасу показалось, что как-то неуверенно.

— Поздравляю, — сказал Эшер.

— И я тебя. Весело было, когда она ту историю про хлопья рассказывала. Тебе хлопали больше всех.

Остальные Двенадцатилетние толпились неподалеку, они аккуратно засовывали папки в велосипедные сумки. Все они, возвратившись домой, будут изучать инструкции для начинающих обучение. Многие годы каждый вечер дети учили школьные уроки, зевая от скуки. Сегодня они будут с радостью запоминать Правила, касающиеся их взрослых Назначений.

— Поздравляю, Эшер! — крикнул кто-то. И затем, с некоторым сомнением в голосе: — И тебя, Джонас!

Эшер и Джонас тоже поздравляли своих одноклассников. Джонас заметил родителей — они стояли рядом со своими велосипедами и смотрели на него. Лили уже сидела на багажнике.

Он помахал рукой, они помахали в ответ. Родители улыбались, но Лили смотрела на него задумчиво, засунув большой палец в рот.

Он поехал прямо домой, обмениваясь с Эшером шутками и ничего не значащими репликами.

— Увидимся утром, Директор Зоны Отдыха! — крикнул Джонас, притормаживая у двери дома.

— Ага. До завтра!

Эшер поехал дальше. И опять, на какую-то долю секунды Джонасу показалось, что все не так, как обычно, не так, как было все эти годы

дружбы. Может, он все это придумал. Это же Эшер — что может измениться?

Ужин прошел тише, чем обычно. Хотя Лили трещала без умолку — про свои часы добровольной работы, про то, как она пойдет сначала в Воспитательный Центр, ведь она уже специалист по кормлению Гэбриэла.

— Знаю, знаю, — ответила Лили на укоризненный взгляд Отца. — Я не буду называть его по имени. Я знаю, что нельзя.

— Хочу, чтобы уже было завтра! — радостно воскликнула Лили.

Джонас тяжело вздохнул:

— А я — нет.

— Джонас, это великая честь, — сказала Мать. — Мы с Отцом очень тобой гордимся.

— Это самая важная работа в коммуне, — сообщил Отец.

— Вчера ты говорил, что самая важная работа — это подбор Назначений!

— Это совсем другое дело, — вмешалась Мать. — Это ведь не работа. Я и не думала никогда... — она замолчала. — Есть только один Принимающий.

— Но Главная Старейшина сказала, что они уже один раз избрали кого-то, и из этого ничего не вышло. О чем она говорила?

Родители переглянулись.

Наконец Отец сказал:

— Все происходило примерно так же, как сегодня. Все точно так же удивились, когда одного из Одиннадцатилетних пропустили во время получения Назначений. Потом — объявили, что был сделан выбор...

— И как его звали? — перебил Джонас.

— Не его — ее, — ответила Мать. — Это была она. Но мы не можем произносить ее имя или давать его Младенцу.

Джонас был поражен. Запретное Имя — это знак невыразимого позора.

— И что же с ней случилось?

Родители были в замешательстве.

— Не знаем, — Отец заметно нервничал. — Больше мы ее не видели.

Повисла тишина. Родители посмотрели друг на друга.

Наконец Мать, вставая из-за стола, сказала:

— Это великая честь, Джонас. Великая.

В спальне, перед тем как лечь в кровать, Джонас наконец открыл папку. Он видел, что некоторые Двенадцатилетние получили папки,

набитые листами. Он представил, как ученый Бенджамин с наслаждением читает правила и инструкции. Как Фиона с улыбкой изучает список процедур, которые ей предстоит так скоро освоить.

Но его собственная папка оказалась почти пустой. Там лежал единственный листок. Он прочел его дважды.

ДЖОНАС, ПРИНИМАЮЩИЙ ВОСПОМИНАНИЯ

1. Сразу после уроков иди в Пристройку к Дому Старых, там подойди к Служителю.
2. Сразу после Обучения иди домой.
3. С этого момента ты можешь не соблюдать Правило о грубости. Ты можешь задать любой вопрос любому члену коммуны и получить ответ.
4. Запрещается обсуждать Обучение с любым членом коммуны, включая родителей и Старейшин.
5. Запрещается Пересказ Снов.
6. Запрещается принимать лекарства при травмах и болезнях, связанных с Обучением.
7. Запрещается подавать прошение об Удалении.
8. Разрешается лгать.

Джонас остолбенел. А как же его друзья? Как же беззаботные игры в мяч и велосипедные прогулки вдоль реки? Такие важные и радостные часы его жизни! Неужели теперь их совсем не будет? Он понимал, что получит подобного рода строгие инструкции — куда и когда идти. Каждому Двенадцатилетнему нужно объяснить, где и как ему предстоит проходить Обучение. Но он никак не ожидал, что в новом расписании не будет места отдыху.

Разрешение быть грубым тоже его удивило. Хотя, перечитав этот пункт, он понял, что никто его не заставляет грубить, просто ему дают такую возможность. Но Джонас был уверен, что никогда ею не воспользуется. Он до такой степени привык к вежливости, что его пугала даже мысль о том, чтобы задать кому-то из членов коммуны личный вопрос.

А вот запрет рассказывать сны Джонаса не смущал. Он редко видел сны, ему было сложно их пересказывать, так что он был рад, что больше этого делать не придется. На секунду он задумался, как ему стоит

поступать во время завтрака. Что если ему приснится сон — нужно ли просто сказать семье, как это обычно и бывало, что ему ничего не приснилось? Но это будет ложью. Хотя, в последнем правиле говорится... нет, он пока еще не готов думать о последнем правиле.

Джонаса беспокоил и запрет на лекарства. Любой член коммуны мог попросить лекарство — даже ребенок. Когда Джонас прищемил палец дверью, он сразу же сообщил об этом Матери по громкоговорителю, она потребовала обезболивающее и его тут же доставили прямо к дому. Джонас съел таблетку, и мучительная боль в руке ушла, только еще пульсировал ушибленный палец. Эту пульсацию Джонас помнил, а боль — нет.

Перечитав шестой пункт, Джонас понял, что такого рода травма как раз не связана с Обучением, так что, если подобное повторится — что маловероятно, потому что с тех пор Джонас очень аккуратно обращается с тяжелыми дверьми, — он по-прежнему сможет попросить лекарство.

И таблетки, которые он теперь принимает каждое утро, тоже не имеют отношения к Обучению, значит, их следует принимать и дальше.

Джонасу стало слегка не по себе, когда он вспомнил слова Главной Старейшины о том, что во время Обучения ему придется испытывать боль. Она назвала эту боль неопишуемой. Джонас сглотнул, безуспешно пытаясь вообразить, на что может быть похожа такая боль, да еще и без лекарства. Но это было выше его понимания.

Седьмое правило Джонаса не заинтересовало. Ему бы и в голову не пришло подавать прошение на Удаление. Ни при каких обстоятельствах. Никогда.

Наконец он заставил себя перечитать последний пункт. С самого детства, с первых уроков языка его учили никогда не лгать. Обучение правильному языку во многом строилось именно на этом. Например, когда Джонас был Четырехлетним, он прямо перед школьным обедом сказал «я умираю от голода». Тотчас же его отвели в сторону, чтобы преподать урок Правильного Употребления Слов. Он не умирает от голода, объяснили ему. Он просто голодный. Никто в коммуне никогда не умирал, не умирает и не умрет от голода. Сказать «я умираю от голода» значит солгать. Случайно, но солгать. Правильный язык нужен, чтобы случайно не солгать, употребив неподходящее слово. «Ты понял?» — спросили его. И он сказал, что понял.

Ему никогда, сколько он себя помнит, не хотелось солгать. Эшер не лгал. Лили не лгала. Его родители не лгали. Никто не делал этого. Хотя...

Джонасу в голову пришла неожиданная и пугающая мысль. Что если все остальные — взрослые — в день Двенадцатилетия, как и он, обнаружили в своих инструкциях такой же чудовищный пункт?

Что если им всем сообщили: «Ты можешь лгать»?

Что если это так? Теперь, когда ему разрешено задать любой, даже самый грубый вопрос и потребовать на него ответа, он мог бы, наверное, хотя представить себе это было сложно, спросить какого-нибудь взрослого, например Отца: «Ты лжешь?»

Но он никогда не узнает, насколько правдивым будет ответ.

— Мне сюда, Джонас, — сказала Фиона, когда они подошли к парадному входу в Дом Старых, оставив велосипеды на стоянке. — Не знаю почему, но я очень нервничаю, — призналась она. — Хотя я здесь была уже столько раз!

Она покрутила свою папку в руках.

— Просто теперь все будет по-другому, — сказал Джонас.

— Да, даже таблички на велосипедах, — засмеялась Фиона.

Ночью Бригада Техобслуживания заменила таблички на велосипедах Двенадцатилетних теми, что были положены членам коммуны, проходящим Обучение.

— Не хочу опоздать, — сказала Фиона и заторопилась ко входу. — Если закончим одновременно, поедем домой вместе.

Джонас кивнул, помахал ей и отправился в Пристройку. Он тоже не собирался опаздывать в свой первый день.

Пристройка выглядела вполне обыкновенно. Джонас подошел к двери и взялся уже за тяжелую ручку, как вдруг увидел на стене звонок. Он позвонил.

— Да? — прозвучал голос из небольшого динамика над звонком.

— Это Джонас. Я новый, ну, в смысле...

— Входи.

Услышав щелчок, Джонас понял, что дверь открыта.

В крошечной приемной помещался только стол, за которым сидела Служительница и разбирала бумаги. Когда Джонас вошел, она встала. Это очень его удивило. Вроде бы ничего особенного, но раньше никто не приветствовал его стоя.

— Добро пожаловать, Принимающий Воспоминания, — почтительно сказала она.

— Ой, нет. Пожалуйста, зовите меня Джонас.

Служительница улыбнулась, нажала на кнопку, и он услышал еще один щелчок — открылась дверь слева.

— Ты можешь войти.

Джонас замялся — и Служительница поняла почему. В коммуне не запирали дверей. По крайней мере, он никогда с этим не сталкивался.

— Замки нужны для того, чтобы никто случайно не побеспокоил Принимающего, — объяснила она. — Ему было бы непросто

сосредоточиться, если бы люди бродили тут в поисках, скажем, Отдела по Ремонту Велосипедов, правда?

Джонас с облегчением рассмеялся. В коммуне часто шутили по этому поводу — Отдел по Ремонту Велосипедов, маленький и не очень важный, постоянно менял адрес, и люди никогда не знали, где его искать.

— Тебе нечего бояться, — сказала Служительница. И, взглянув на часы, добавила: — Но ждать он не любит.

Джонас наконец вошел в дверь. Он попал в уютную комнату. Она была одновременно похожа и не похожа на его собственное жилище. Мебель в коммуне у всех была одинаковой: практичной, крепкой, функциональной. Кровать, чтобы спать. Обеденный стол, чтобы есть. Письменный — чтобы заниматься.

В этой просторной комнате были те же предметы мебели, что и во всех домах коммуны. Те же, но не такие же. Стулья и диван обиты мягкими, роскошными тканями. Ножки стола не прямые, а изящные и изогнутые, украшенные резьбой. Кровать в дальнем углу комнаты покрыта восхитительным покрывалом, вышитым изысканными узорами.

Но больше всего Джонаса поразили книги. У него дома, как и у всех остальных членов коммуны, была только справочная литература: словарь, полный указатель всех домов, офисов, фабрик и комитетов коммуны. И, конечно, Книга Правил.

Он никогда не видел никаких других книг. Он даже не знал, что они существуют.

Но в этой комнате все стены были заставлены книжными полками — до самого потолка. Сотни — а может, и тысячи томов с блестящими названиями.

Джонас не мог оторвать от них глаз. Что может быть написано на тысячах страниц? Еще Правила, кроме тех, что управляют коммуной? Еще какие-то офисы, фабрики и комитеты?

Но времени на то, чтобы как следует осмотреться, не было — сидящий за столом человек не сводил с него глаз.

Джонас быстро подошел к нему, слегка поклонился и представился:

— Я Джонас.

— Я знаю. Добро пожаловать, Принимающий Воспоминания.

Джонас узнал его. Это был тот самый Старейшина, который так выделялся среди других на Церемонии.

Джонас смущенно смотрел в светлые глаза, так похожие на его собственные.

— Сэр, я приношу извинения, но я не понимаю...

Он подождал стандартного ответа, но его не последовало.

Тогда Джонас продолжил:

— Просто я думал, то есть думаю, — поправил себя Джонас, решив, что если уж Правильное Употребление Слов зачем-то нужно в обычной жизни, то сейчас, перед лицом этого человека, оно просто необходимо, — я думаю, что Принимающий Воспоминания — это вы. Я только, ну, меня назначили, то есть выбрали только вчера. Я еще никто. Пока еще никто.

Мужчина задумчиво посмотрел на него. В этом взгляде читались любопытство, беспокойство и даже что-то вроде сочувствия.

Наконец он заговорил:

— С этого дня, с этой минуты, по крайней мере для меня, ты — Принимающий. Я был Принимающим очень, очень долго. Думаю, ты это заметил.

Джонас кивнул.

Лицо мужчины было покрыто морщинами, а светлые глаза смотрели, хоть и пристально, но устало.

Вокруг глаз залегли глубокие тени.

— Я вижу, что вы очень старый, — почтительно сказал Джонас. К Старым в коммуне всегда относились с огромным уважением.

Мужчина улыбнулся и провел рукой по морщинистой щеке.

— На самом деле, не такой уж я и старый. Работа состарила меня. Я знаю, что выгляжу так, будто меня давно уже пора внести в списки на Удаление. Но в действительности у меня еще много времени впереди. — Он ненадолго замолчал. — И все же я обрадовался, когда тебя избрали. Они долго тянули с этим. Предыдущее, так неудачно закончившееся избрание состоялось десять лет назад, и я уже начал слабеть. Мне понадобятся все оставшиеся силы, чтобы обучить тебя. Нам с тобой предстоит долгая и тяжелая работа.

Он указал на стул:

— Сядь, пожалуйста.

Джонас опустился на мягкое сиденье.

Старик прикрыл глаза и продолжил:

— Когда мне было Двенадцать, меня избрали, как и тебя. И мне было страшно, как и тебе.

Он открыл глаза и посмотрел на Джонаса. Тот кивнул.

Глаза снова закрылись.

— В эту комнату я пришел, чтобы начать свое обучение. Это было очень давно. Предыдущий Принимающий показался мне таким же старым, каким я кажусь тебе. И он выглядел таким же усталым, как я сегодня.

Внезапно он выпрямился, открыл глаза и сказал:

— Ты можешь задавать вопросы. Мне сложно описать, как это происходит. Ведь говорить об этом запрещено.

— Я знаю, сэр, — сказал Джонас, — я читал инструкцию.

— То есть я могу не стараться все объяснить, — усмехнулся мужчина. — Моя работа очень важна и почетна. Но это не значит, что я идеален. Я уже пытался один раз обучить преемника. И не справился с этим. Пожалуйста, задавай любые вопросы, которые смогут тебе помочь.

У Джонаса были вопросы. Тысяча вопросов. Миллион. Столько же вопросов, сколько книг на полках. Но он не задал ни одного. Пока не задал.

Мужчина вздохнул, видимо, думая, с чего начать. Затем снова заговорил:

— Проще говоря, хотя ничего простого тут нет, моя работа состоит в том, чтобы передать тебе все воспоминания, которые я храню. Воспоминания о прошлом.

— Сэр, — робко сказал Джонас, — я с огромным интересом выслушаю историю вашей жизни и ваши воспоминания. — И быстро добавил: — Приношу извинения за то, что перебил вас.

Мужчина нетерпеливо махнул рукой.

— Никаких извинений в этой комнате. У нас нет на это времени.

— Сэр, — продолжил Джонас неуверенно, понимая, что, кажется, опять перебивает, — мне, правда очень интересно, но я все-таки не понимаю, что в этом такого важного. Я могу выполнять взрослую работу в коммуне, а в часы отдыха приходите к вам и слушать истории вашего детства. Я с удовольствием этим займусь. Вообще-то, — добавил Джонас, — я уже занимался этим в Доме Старых. Старые любят рассказывать про свое детство, и мне всегда нравилось их слушать.

Мужчина покачал головой.

— Нет-нет. Я просто неясно выразился. Это не мое прошлое, не воспоминания о моем детстве.

Он откинулся на кресле.

— Это воспоминания всего мира, — вздохнул он. — То, что происходило до тебя, до меня, до предыдущего Принимающего, за многие-многие поколения до нас.

— Всего мира? — Джонас нахмурился. — Я не понимаю. Вы говорите не только о нас. Не только о коммуне? Вы имеете в виду Другое Место?

Он попытался осмыслить услышанное.

— Извините, сэр. Я не совсем понимаю. Может, я недостаточно умен. Я не понимаю, что значит «целый мир» и «за многие-многие поколения до

нас». Я думал, есть только мы. И только сейчас.

— Нет, есть гораздо больше. Есть все, что Дальше — Другое Место, и все, что было до нас, и еще раньше, и совсем давно. Я узнал об этом, когда был избран. И здесь, в этой комнате, один, я переживаю это снова и снова. Так к нам приходит мудрость. Так мы строим будущее.

Он шумно перевел дыхание.

— Я просто переполнен воспоминаниями.

Джонас вдруг почувствовал сострадание к этому старику.

— Это как... — старик умолк, будто подыскивая правильные слова, — как спускаться с горы на санках по глубокому снегу. Вначале захватывает дух — скорость, холодный чистый воздух, но затем снега становится все больше, он налипает на полозья, и ты едешь медленнее, и тебе все тяжелее двигаться вперед, и надо отталкиваться все сильнее и сильнее, и...

Он вдруг помотал головой и уставился на Джонаса.

— Ты ведь ничего не понял, да?

Джонас смутился.

— Ничего, сэр.

— Ну, конечно, не понял. Ты ведь не знаешь, что такое снег.

Джонас покачал головой.

— А что такое санки? Полозья?

— Нет, сэр, — сказал Джонас.

— А что такое спускаться с горы? Это все пустой звук, да?

— Да, сэр.

— Вот с этого и начнем. Я все думал, с чего начать. Ложись на кровать лицом вниз. И куртку сними.

Джонас так и сделал. Ему было немного страшно. Он лег и кожей почувствовал мягкую ткань, покрывающую кровать. Он видел, как старик встал и подошел к стене, на которой висел громкоговоритель, такой же, как и в каждом доме в коммуне. Но не совсем. У этого громкоговорителя был переключатель, который старик одним щелчком передвинул на «выкл.».

Джонас едва не вскрикнул. Он может выключить громкоговоритель! Это было потрясающе.

Старик подошел и сел на стул рядом с кроватью. Джонас лежал не двигаясь и ждал, что же будет дальше.

— Закрой глаза. Расслабься. Больно не будет.

Джонас вспомнил, что ему разрешено, даже рекомендуется задавать вопросы.

— Что вы собираетесь делать, сэр? — спросил он, надеясь, что его голос не дрожит.

— Я собираюсь передать тебе воспоминание о снеге, — сказал старик и положил руки на его обнаженную спину.

Сперва Джонас не почувствовал ничего особенного. Только ладони старика на своей спине.

Он попытался расслабиться и дышать ровнее. В комнате царил тишина, Джонас даже испугался, что опозорится в первый же день Обучения и уснет.

Джонас вздрогнул — руки на его спине неожиданно похолодели. И сразу же воздух и даже его собственное дыхание стали холодными. Он оближал губы и языком почувствовал этот холод. Это было удивительно, но совсем не страшно. Его переполняла энергия, он вдохнул опять и на этот раз воздух был ледяным. Теперь он чувствовал, как холодный ветер обдувает его руки и спину.

Касаний старика он больше не чувствовал.

Затем — совсем новое ощущение. Много мелких уколов. Но совсем не больно. Будто маленькие холодные перышки падают на лицо и тело. Он высунул язык и поймал ледяную колючку. Она тотчас растаяла. Он поймал еще одну, и еще, и еще... Джонас улыбнулся.

Краем сознания он понимал, что лежит в комнате, в Пристройке. Но другая, отдельная часть его знала, что он сидит и под ним вовсе не мягкое покрывало, а что-то плоское и жесткое. Его руки держали (оставаясь лежать вытянутыми вдоль тела) грубую мокрую веревку.

И он видел, хотя глаза его были закрыты. Он видел яркий поток кружащихся кристаллов, и эти кристаллы покрывали его руки холодным мехом.

Он видел свое дыхание.

Сквозь этот кружащийся вихрь — внезапно он понял, что это и есть снег, о котором говорил старик, — он мог видеть далеко вокруг. Точнее, вниз — он находился на возвышении. Земля была покрыта густым пушистым снегом, но он сидел не на земле, а на чем-то твердом и плоском.

«Санки» — пришло вдруг слово. Он сидит на чем-то, что называется санки. И эти санки стоят на самой вершине чего-то длинного и высокого, что растет прямо из земли. Хотя он думал именно такими словами, его новое сознание подсказывало другое слово — «холм».

Затем санки вместе с Джонасом начали двигаться сквозь снегопад, и он мгновенно понял, что спускается. Никто ему этого не объяснял. Он просто понял.

Ветер бил ему в лицо, когда он ехал сквозь вещество под названием «снег» на предмете под названием «санки», который скользит при помощи — теперь он это знал — «полозьев».

Разобравшись со всеми определениями, Джонас смог сполна отдаться восхитительным ощущениям: скорость, чистый холодный воздух, тишина; ему было и радостно, и спокойно.

Постепенно наклон уменьшался, холм становился все более пологим, а санки замедляли движение — им мешали кучи снега, и Джонас всем телом подался вперед, надеясь заставить санки двигаться дальше.

Тонкие полозья окончательно застряли в снегу, и санки остановились. Он сидел, тяжело дыша, сжимая в холодных руках веревку. Наконец он попробовал открыть глаза — не те, что видели холм, санки и снег, они и так были все время открыты, а свои обычные глаза. Джонас открыл глаза и увидел, что по-прежнему лежит на кровати, ни на миллиметр не сдвинулся.

Старик сидел рядом и смотрел на него.

— Как ты себя чувствуешь?

Джонас сел и попытался ответить честно.

— Я удивлен, — сказал он, подумав.

Старик утер лоб рукавом.

— Уф, это было утомительно. Но знаешь, даже это маленькое воспоминание, которое я передал тебе... Я думаю, мне уже стало легче.

— Вы хотите сказать... Я же могу задавать вопросы, да?

Мужчина ободряюще кивнул.

— Вы хотите сказать, что у вас больше нет этого воспоминания — про катание на санках?

— Ну да. Ноша стала чуть легче.

— Но было так здорово! А теперь у вас его больше нет! Я его забрал!

Старик рассмеялся.

— Я дал тебе один спуск на одних санках с одного холма одним снежным днем. У меня целый мир этих воспоминаний. Я могу давать их тебе одно за другим тысячу раз, и еще останется.

— То есть, выходит, мы можем это сделать опять? Мне очень хочется. Я наверное, смогу ими управлять, дергая за веревку. В этот раз я даже не попробовал.

Старик с улыбкой покачал головой.

— Может, как-нибудь потом, для развлечения. Но у нас нет времени на игры. Я просто хотел показать тебе, как это действует. А теперь ложись. Я хочу...

Джонас послушно лег. Ему ужасно хотелось снова испытать что-

нибудь такое. Но тут он понял, что у него куча вопросов.

— Почему у нас нет ни снега, ни санок, ни холмов? — спросил он. — И когда они были? Когда мои родители были детьми, у них были санки? А у вас?

Старик пожал плечами.

— Нет. Это очень давнее воспоминание. Вот почему это было так утомительно — я должен был протянуть его через многие поколения. Я получил его, когда сам стал Принимающим, и предыдущий Принимающий тоже тянул его издалека.

— Но что же случилось со всем этим? Со снегом и со всем остальным?

— Управление Климатом. Снег затрудняет произрастание злаков, сокращает количество урожаев в году. Непредсказуемая погода мешала транспортировке продуктов — иногда делала ее просто невозможной. Это было непрактично, так что, когда мы пришли к Одинаковости, переменчивую погоду упразднили. И холмы тоже, — добавил он. — Они тоже мешали перевозить продовольствие. Грузовики, автобусы — холмы замедляли их движение. Так что вот, — старик взмахнул рукой, как будто заставляя холмы исчезнуть. — Одинаковость, — заключил он.

Джонас нахмурился.

— Хорошо бы все это было. Хотя бы иногда.

Старик улыбнулся.

— Я тоже так думаю. Но это не нам решать.

— Но сэр, ведь у вас такая власть...

— Почет, — поправил его старик. — Почет, вот что у меня есть. И у тебя будет. И тогда ты поймешь, что почет и власть — разные вещи.

— Теперь ложись. Раз мы заговорили о погоде, я покажу тебе еще кое-что. Только я не буду говорить тебе, как это называется, — хочу проверить уровень восприятия. Ты должен уловить название сам. В прошлый раз я проговорился — произнес все слова заранее — и «снег», и «санки», и «холм».

Не дожидаясь его указаний, Джонас закрыл глаза. Он опять почувствовал ладони старика на своей спине. На этот раз ощущения пришли гораздо быстрее. Ладони не стали холоднее — наоборот, нагрелись. И даже слегка вспотели. Тепло распространялось от спины к плечам, затем по шее и лицу. Он чувствовал его всем телом, даже сквозь одежду, и это было очень приятно. Он, как и в прошлый раз, облизал губы и почувствовал языком теплый влажный воздух.

Он не двигался. Санок не было. Он просто лежал один и ощущал

тепло. Оно шло откуда-то сверху. Это было не так захватывающе, как катание на санках, но ему было хорошо и спокойно. Вдруг пришло понимание: «Солнечный свет». Затем он понял, что свет идет сверху.

Потом все закончилось.

— Солнечный свет, — сказал Джонас, открывая глаза.

— Отлично. Ты принял слово. Это облегчает мою работу. Меньше придется объяснять.

— И он шел с неба.

— Правильно. Так было раньше.

— До Одинаковости. До Управления Климатом, — добавил Джонас.

Старик рассмеялся.

— Ты хорошо принимаешь и быстро учишься. Я очень тобой доволен. Думаю, на сегодня хватит. Отличное начало.

Джонаса беспокоила одна вещь.

— Сэр, на Церемонии Главная Старейшина сказала — и вы тоже говорили, — что будет больно. Так что я немного испугался. Но это было совсем не больно. Даже наоборот — мне очень понравилось.

Он вопросительно посмотрел на старика.

Старик вздохнул.

— Я начал с приятных воспоминаний. Мой предыдущий провал многому меня научил. — Он снова вздохнул. — Будет много боли. Но начинать с этого необязательно.

— Я храбрый. Правда. — Джонас выпрямился.

Старик пристально посмотрел на него.

— Я вижу, — улыбнулся он. — Ну, раз ты так хочешь, думаю, у меня хватит сил еще на один сеанс. Ложись обратно. Это воспоминание будет последним на сегодня.

Джонас с радостью послушался. Он закрыл глаза. И опять почувствовал руки на своей спине, ощутил тепло солнечного света, идущего с неба. На этот раз, купаясь в солнечных лучах, он чувствовал, как проходит время — обычный Джонас понимал, что прошла всего минута или две, но другой, принимающий воспоминания Джонас знал, что лежит на солнце уже несколько часов.

Солнце жгло кожу. Он попытался подняться, но почувствовал резкую боль во всем теле.

— Ай! — вскрикнул он, и от этого стало больно лицу.

Он знал, что есть какое-то слово, но было так больно, что он не мог его поймать.

Потом все закончилось. Джонас открыл глаза, все еще морщась от

боли.

— Было больно, — сказал он старику, — и я не смог принять слово.

— Это был солнечный ожог.

— Очень больно. Но я рад, что вы мне это показали. Было интересно.

И теперь я понимаю, о чем меня предупреждали.

Старик не ответил. Он молчал. Потом сказал:

— Вставай. Тебе пора домой.

Они вместе подошли к двери. Джонас надел форму.

— До свидания, сэр. Спасибо за этот первый день.

Старик кивнул. Он выглядел изможденным и печальным.

— Сэр? — робко начал Джонас.

— Да? Ты хочешь что-то спросить?

— Ну, просто я не знаю, как вас зовут. Я думал, вы Принимающий, но вы сказали, что теперь Принимающий я. Так что я не знаю, как мне вас называть.

Старик опустил плечи в мягкое кресло. Он повел плечами, словно пытаясь избавиться от неприятного ощущения. Он выглядел очень усталым.

— Зови меня Дающий, — сказал он Джонасу.

— Ну, как тебе спалось, Джонас? — спросила Мать за завтраком. — Без сновидений?

Джонас улыбнулся. Он не был готов лгать, но и правду говорить не хотел.

— Я очень крепко спал, — сказал он.

— Ему бы тоже не помешало, — сказал Отец, наклоняясь к Гэбриэлу.

Тот размахивал кулачком, лежа в корзинке на полу. В углу корзинки сидел плюшевый бегемот, тараша пустые глаза.

— Да уж, — закатила глаза Мать. — Он очень часто просыпается ночью.

Джонас не слышал малыша, потому что спал действительно очень крепко. Но сны он видел.

Снова и снова он спускался по заснеженному холму. Во сне ему казалось, что у него есть какая-то цель — что-то (он не мог понять что), находившееся дальше, чем подножие холма, где его санки зарывались в снег.

Проснувшись, он все еще думал о том, что очень хочет, что ему просто необходимо добраться до этого чего-то. Что там его ждет что-то очень хорошее. Приятное. И важное.

Но он не знал, как туда попасть.

В школе сегодня все шло не совсем как всегда. Уроки были те же: язык и средства общения, наука и техника, право и управление. Но во время перерывов на отдых и обед другие Двенадцатилетние без умолку трещали про свой первый день обучения. Все говорили одновременно, перебивая друг друга, тут же извиняясь, а потом в запале перебивая снова, чтобы наконец рассказать о своем новом опыте.

Джонас слушал. Он отлично помнил, что ему нельзя обсуждать обучение. Да он и не смог бы. Как описать друзьям то, что он испытал в Пристройке? Как рассказать им про санки, не объяснив, что такое холм и снег? И как расскажешь про холм и снег тому, кто никогда не поднимался на высоту, никогда не ощущал ветра на своем лице, никогда не чувствовал удивительный, игольчатый холод? Годы обучения правильному языку не помогут найти слов и для описания солнечного света.

Так что Джонасу оставалось только сидеть и слушать остальных.

После школы он опять отправился к Дому Старых вместе с Фионой.

— Я искала тебя вчера, чтобы вместе поехать домой. Твой велосипед все еще был тут, так что я подождала немного. Но было уже поздно, и я уехала.

— Приношу свои извинения за то, что заставил тебя ждать, — сказал Джонас.

— Принимаю твои извинения, — машинально ответила Фиона.

— Я задержался дольше, чем ожидал, — сказал Джонас.

Девочка сосредоточенно крутила педали. Джонас понимал, что она ждет его объяснений. Его рассказа о первом дне. Но спросить не может — это было бы грубо.

— Ты провела столько часов добровольной работы со Старыми, — сменил тему Джонас. — Ты, наверное, уже все знаешь.

— Что ты, мне еще столько всего предстоит выучить! — ответила Фиона. — Административная работа, диеты, наказания за непослушание — представляешь, Старых наказывают так же, как малышей! И еще есть трудовая терапия, и активный отдых, и лекарства, и...

Они подъехали к зданию и слезли с велосипедов.

— Мне здесь нравится гораздо больше, чем в школе, — призналась Фиона.

— Мне тоже, — сказал Джонас, ставя велосипед на стоянку.

Она постояла секунду, словно надеясь, что Джонас продолжит рассказ. Затем посмотрела на часы, попрощалась и побежала ко входу.

Джонас застыл в изумлении. Это произошло снова — то, что он теперь мысленно называл Видеть Дальше. Теперь так же мимолетно и необъяснимо изменилась Фиона. Это случилось, когда она открыла дверь, чтобы войти. Но когда Джонас попытался восстановить этот момент в памяти, он понял, что она изменилась не вся. Только волосы. И только на короткое мгновение.

Джонас задумался. Это точно начало случаться чаще. Сначала яблоко, несколько недель назад. Потом люди в Лектории — всего два дня назад. А сегодня — волосы Фионы.

Нахмурившись, Джонас пошел к Пристройке. «Я спрошу у Дающего», — решил он.

Старик улыбнулся Джонасу, когда тот вошел. Он уже сидел рядом с кроватью и казался гораздо более бодрым, даже каким-то обновленным. Он явно обрадовался Джонасу.

— Здравствуй. Нам пора начинать. Ты опоздал на минуту.

— Я приношу... — начал Джонас, но осекся, вспомнив, что тут не принято извиняться.

Он снял форму и направился к кровати.

— Я опоздал, потому что кое-что случилось, — объяснил Джонас. — И я хочу спросить у вас, что это было, если вы не возражаете.

— Можешь спрашивать о чем угодно.

Джонас постарался как можно яснее представить себе то, о чем собирался рассказать.

— Я думаю, это то, что вы называете Способностью Видеть Дальше.

— Опиши.

Джонас рассказал про яблоко. Потом — как он со сцены увидел переменявшиеся лица зрителей.

— И вот сегодня, только что, перед входом, это случилось с моей подругой Фионой. Что-то в ней на секунду изменилось. Ее волосы стали выглядеть по-другому. Длина и прическа остались прежними, а что-то, я не знаю... — Джонас запнулся, недовольный тем, что не может как следует объяснить, что же все-таки произошло.

Наконец он просто сказал:

— Они изменились. Не знаю, как именно. Вот почему я опоздал на минуту, — заключил он и вопросительно посмотрел на Дающего.

Он удивился, когда Дающий задал ему вопрос, вроде бы не имеющий отношения к Способности Видеть Дальше.

— Вчера, когда я впервые передавал тебе воспоминание о катании на санках, ты смотрел вокруг?

Джонас кивнул.

— Да, но эти штучки в воздухе — то есть снег — мне мешали.

— Ты смотрел на санки?

Джонас задумался.

— Нет, я только чувствовал, что сижу на них. И еще они мне снились сегодня ночью. Но во сне я тоже не смотрел на них. Только чувствовал.

Теперь задумался Дающий.

— Я наблюдал за тобой еще до избрания и понял, что ты обладаешь этой способностью, и то, что ты описываешь, подтверждает мою догадку. Когда я был в твоём возрасте — незадолго до того, как стать Принимающим, — я тоже начал это ощущать, но немного по-другому. Но описать это тебе я пока не могу — ты просто меня не поймешь. Зато я, кажется, понял, как это работает у тебя. Давай проверим. Ложись.

Джонас лег на кровать и вытянул руки по швам. Он был совершенно спокоен. Закрыв глаза, он ждал уже привычного прикосновения рук Дающего.

Но ничего не произошло. Дающий просто сказал:

— Вызови воспоминание о катании на санках. Самое начало, где ты стоишь на вершине холма и еще не начал спускаться. И на этот раз посмотри на санки.

Джонас был озадачен. Он открыл глаза.

— Простите, — вежливо сказал он, — но разве не вы должны дать мне воспоминание?

— Теперь оно твое. Я больше не могу пережить его. Я его отдал.

— Но как мне его вызвать?

— Ну ты же помнишь прошлый год, или год, когда тебе было Семь или Пять?

— Конечно.

— Тут почти то же самое. У всех в коммуне есть такие вот воспоминания в пределах одного поколения. А теперь ты можешь уходить дальше. Попробуй. Просто сосредоточься.

Джонас закрыл глаза. Он сделал глубокий вдох и попробовал отыскать в своей памяти санки, снег, холм.

Они были там, просто были и все. Он опять сидел на вершине холма, а вокруг плясали снежинки. Джонас широко улыбнулся и выдохнул пар изо рта. Потом, как ему и велели, посмотрел вниз. Он увидел свои руки, запорошенные снегом. Они держали веревку. Он увидел свои ноги и развел их в стороны, чтобы посмотреть на санки.

И онемел от удивления. Сейчас это было не мимолетное впечатление. Нет, на этот раз санки обладали и продолжали обладать, когда он моргнул и опять на них уставился, тем непонятным качеством, которое он заметил у яблока. И у волос Фионы. Санки не менялись. У них оно просто было — просто было и все.

Джонас открыл глаза и лежал не двигаясь.

Дающий смотрел на него с интересом.

— Да, — сказал Джонас, — я увидел это в санках.

— Попробуем по-другому. Посмотри на тот книжный стеллаж, позади стола. Видишь книги на верхней полке?

Джонас нашел их глазами. Он посмотрел на них, и они изменились. Но ненадолго. Всего на пару секунд.

— Это случилось с книгами тоже. Но опять ушло.

— Выходит, я прав. Ты начинаешь видеть красный цвет.

— Что?

Дающий вздохнул.

— Как это объяснить? Когда-то, во времена воспоминаний, у всего были форма и размер, как и сейчас, но еще был признак, который

назывался цветом. Цветов было много, и один из них назывался красным. Тот самый, который ты начинаешь видеть. У твоей подруги Фионы рыжие, отливающие красным волосы — очень редкий цвет, я давно уже ее заметил. Когда ты упомянул волосы Фионы, я сразу подумал, что ты начал видеть красный.

— А лица? Те, что я увидел на Церемонии?

Дающий покачал головой.

— Нет, кожа не красного цвета. Оттенков красного. Вообще-то, было время — ты увидишь это в воспоминаниях — когда кожа была самых разных цветов. Это было до того, как мы пришли к Одинаковости. Сегодня кожа у всех одного цвета, а то, что ты видел, были оттенки красного. Наверное, когда ты увидел, что лица приобретают цвет, он не был таким ярким и глубоким, как цвет яблока или волос твоей подруги.

Дающий вдруг усмехнулся:

— Мы так и не смогли достичь полной Одинаковости. Думаю, генетики все еще работают над этим. Волосы как у Фионы наверняка приводят их в бешенство.

Джонас слушал, силясь понять.

— А санки? — спросил он. — Они просто были красного цвета. Они не менялись, Дающий. Они просто были такими.

— Потому что воспоминание относится к тому времени, когда цвет просто был.

— Это так... ох, если бы я мог найти точное слово! Красный такой красивый!

— Так и есть.

— Вы видите его все время?

— Я вижу их все. Все цвета.

— А я увижу?

— Конечно. Когда получишь достаточно воспоминаний. У тебя есть Способность Видеть Дальше. А еще ты обретешь мудрость. И цвета тоже. И многое другое.

Но мудрость Джонаса пока не интересовала. Его полностью захватили цвета.

— А почему все не могут их видеть? Почему цвет пропал?

Дающий пожал плечами.

— Наш народ сделал выбор. Выбор в пользу Одинаковости. До меня и до того, кто был до меня, и еще и еще раньше. Мы отказались от цвета тогда же, когда отказались от солнечного света и вообще различий. — Он задумался. — Мы научились контролировать многие вещи. Но вынуждены

были от многого отказаться.

— Не надо было! — яростно крикнул Джонас.

Дающий был впечатлен столь сильной реакцией. Затем улыбнулся.

— Быстро же ты пришел к такому заключению. Мне на это понадобились годы. Возможно, ты и мудрость обретешь быстрее, чем я. — Он взглянул на часы. — Ложись обратно. У нас еще много работы.

— Дающий, — спросил Джонас, укладываясь на кровать, — а что произошло с вами, когда вы стали Принимающим? Вы сказали, что начали Видеть Дальше, но не так, как я.

Руки легли ему на спину.

— В другой раз, — ласково сказал Дающий. — Я расскажу тебе в другой раз. А теперь за работу. Я придумал, как помочь тебе с цветом. Закрой глаза и расслабься. Я передам тебе воспоминание о радуге.

Проходили дни и недели. С помощью воспоминаний Джонас выучил названия цветов. Он начал их видеть и в обычной жизни (хотя он отлично понимал, что она уже не обычная и никогда не будет обычной). Но эти цвета невозможно было удержать. Вспышка зеленого — лужайка на Центральной Площади, куст на берегу реки. Оранжевые тыквы, которые привезли в коммуну с полей, — всего мгновение он видел ярчайший цвет, а затем опять ничего, все тот же оттенок серого.

Дающий предупредил его, что пройдет еще много времени, прежде чем он сможет удерживать цвета.

— Но я хочу сейчас! — сердито заявил Джонас. — Это нечестно, что нет цветов!

— Нечестно? — удивился Дающий. — Объясни, что ты имеешь в виду.

— Понимаете... — Джонас замолчал, чтобы подумать. — Если все одинаковое, то нет никакого выбора! Я хочу просыпаться утром и решать, например, голубую форму надеть или красную? А она всегда, всегда одинаковая.

Он посмотрел на бесцветную ткань, из которой была сшита его форма, и усмехнулся:

— Я знаю, это неважно, что на тебе надето. Правда, неважно.

— Важна сама возможность выбрать, да? — спросил Дающий.

Джонас кивнул.

— Мой младший брат... — начал он. Затем поправил себя. — Нет, это не совсем точно. Он мне не брат на самом деле. Ну, этот Младенец, о котором заботится моя семья. Его зовут Гэбриэл.

— Я знаю про Гэбриэла.

— Так вот, он сейчас в возрасте, когда дети многое узнают о мире. Он хватается игрушку, если держать ее перед ним, — Отец говорит, что это развивает мелкую моторику. И он очень милый.

Дающий кивнул.

— Но теперь, когда я различаю цвета, по крайней мере иногда, я подумал: а что если бы ему дали, скажем, ярко-красную игрушку и ярко-желтую? И он мог бы выбрать? Вместо Одинаковости.

— Он мог бы сделать неправильный выбор.

— А, — Джонас умолк. — Вот в чем дело. Я понял. Это неважно, когда речь идет об игрушках. Но потом становится очень важным. Мы не

осмеливаемся давать людям выбирать.

— Потому что это небезопасно?

— Да, именно, — подтвердил Джонас. — Что если бы человек сам выбирал себе супруга? И ошибся в выборе? Или, — продолжил он, посмеиваясь над абсурдностью предположения, — люди сами выбирали бы себе работу?

— Это кажется опасным, — сказал Дающий.

— Очень опасным. Такое даже представить себе сложно. Нам действительно нужно защищать людей от неправильного выбора.

— Так безопасней?

— Да, — согласился Джонас. — Гораздо безопасней.

Но даже когда они заговорили о чем-то другом, Джонас продолжал испытывать какое-то неудобство, его что-то мучило, и он не понимал, что.

Теперь он часто злился: на своих одноклассников — за то, что они довольны жизнью, хотя в ней так много не хватает. И на себя — за то, что ничего не может для них сделать.

Он пробовал. Не спросив разрешения у Дающего — Джонас подозревал, что тот запретит, — он пытался передать свое новое знание друзьям.

— Эшер, — сказал он как-то утром. — Посмотри на эти цветы очень внимательно.

Они стояли рядом с клумбой герани у Зала Открытых Записей. Джонас опустил руки на плечи Эшера и сконцентрировался на красном цветке лепестков. Он попытался как можно дольше удерживать цвет и одновременно передать другу это видение красного.

— В чем дело? — недовольно спросил Эшер. — Что-то не так?

Он высвободился из рук Джонаса. Прикоснуться к кому-то, кроме членов своей Семейной Ячейки, считалось очень грубым.

— Нет, ничего. Мне показалось, что цветы увядают и что нам надо сообщить об этом Садовникам, — Джонас вздохнул и отвернулся.

Однажды он вернулся с Обучения переполненный новым знанием. Дающий выбрал очень волнующее воспоминание в тот день. Под его руками Джонас обнаружил, что находится в каком-то странном месте. Открытое пространство под ярко-голубым небом. Редкая трава, несколько кустов, камни, крепкие невысокие деревья. Он слышал какой-то треск, он получил слово — «ружья». Затем крики, глухой звук падения и треск сломанных веток. Потом он услышал перекликающиеся голоса и решил выглянуть из-за куста, за которым прятался. Дающий рассказывал Джонасу, что когда-то кожа была разных цветов, — и правда, у двоих из мужчин кожа

была темно-коричневой, а у остальных — светлой. Он подошел поближе и увидел, как мужчины вырезают бивни у неподвижно лежащего на земле слона и уносят их, забрызганные кровью.

Джонас никогда не видел такого красного цвета, он был переполнен этим новым красным.

Затем мужчины сели в машину и уехали — из-под колес летели камешки. Один попал ему в голову. Джонас надеялся, что на этом все закончится, но воспоминание продолжилось.

Теперь он увидел другого слона. Тот выбрался из-за деревьев, очень медленно подошел к изувеченному телу и посмотрел на него. Огромным хоботом он потрогал труп, потом дотянулся до дерева, с треском оторвал несколько веток и накрыл ими разодранную плоть.

Наконец он вскинул массивную голову, поднял хобот и заревел в пустоту. Джонас никогда не слышал ничего подобного. В этом звуке слились печаль и ярость, и казалось, ему не будет конца.

Рев звучал в ушах Джонаса, когда он открыл глаза. Совершенно разбитый, он лежал на кровати не в силах пошевелиться. Рев не умолкал, когда он ехал на велосипеде домой.

— Лили, — сказал он сестре вечером, когда та взяла с полки своего утешителя — плюшевого слона. — А ты знаешь, что когда-то давно слоны действительно существовали? Живые слоны?

Лили посмотрела на игрушку.

— Ага, — усмехнулась она. — Конечно.

Джонас подошел к Отцу и Лили. Отец развязал Лилины ленты для волос и начал ее причесывать. Джонас сел позади них и положил каждому руку на плечо. Всем своим существом он попытался передать им кусочек воспоминания: не чудовищный крик слона, но его присутствие, образ этого громадного существа, преданность, с которой тот провожал погибшего друга.

Но Отец продолжал спокойно расчесывать Лилины длинные волосы, и она нетерпеливо ерзала под рукой Джонаса.

— Джонас, — пожаловалась она наконец, — ты мне больно делаешь!

— Приношу свои извинения за то, что сделал тебе больно, Лили, — пробормотал Джонас и убрал руку.

— Принимаю извинения, — равнодушно ответила Лили, поглаживая безжизненную игрушку.

— Дающий, — спросил однажды Джонас перед началом работы. — А у вас есть супруга? Или вам нельзя подавать прошение на брак?

Хотя ему и позволено было не соблюдать правило о грубости, он не сомневался в том, что это грубый вопрос. Но Дающий просил задавать любые вопросы и никогда не показывал, что обижен или смущен даже самыми личными из них.

Дающий улыбнулся.

— Правила, запрещающего мне это, нет. И у меня была супруга. Ты забываешь, сколько мне лет. Моя бывшая супруга сейчас живет вместе с остальными Бездетными Взрослыми.

— Ох, конечно.

Джонас действительно забыл, что Дающий уже не молод. Жизнь Взрослых в коммуне с возрастом менялась. Они больше не были нужны для создания Семейных Ячеек. Родители Джонаса, когда они с Лили вырастут, тоже будут жить с другими Бездетными Взрослыми.

— Ты тоже сможешь подать прошение на подбор супруги, если захочешь. Но предупреждаю, тебе будет непросто. Например, потому, что членам коммуны запрещено читать книги. Мы с тобой — единственные, кто имеет доступ к книгам.

Джонас посмотрел на коллекцию книг в комнате. Теперь он иногда видел, какого они цвета. За все эти часы, что они с Дающим провели здесь, работая с воспоминаниями, он так и не открыл ни одной. Но он читал названия и знал, что в этих книгах — вся мудрость веков и что когда-нибудь они все будут принадлежать ему.

— То есть, если у меня будет супруга и, возможно, дети, мне придется прятать от них книги?

— Да, именно так, мне не разрешалось давать книги супруге. Есть и другие сложности. Помнишь правило, в котором говорится, что новый Принимающий не может обсуждать ни с кем Обучение?

Джонас кивнул. Он прекрасно помнил это правило — со временем оказалось, что это самое обидное из всех ограничений, которые накладывало на него избрание.

— Когда мы закончим работу и ты официально станешь новым Принимающим, тебе дадут новый свод правил. Правил, которым следую я. И вряд ли тебя удивит то, что мне запрещено разговаривать о работе с кем бы то ни было, кроме нового Принимающего. То есть кроме тебя. Огромной частью твоей жизни нельзя будет поделиться с семьей. Это тяжело, Джонас. Мне было тяжело. Ты понимаешь, что воспоминания — это и есть моя жизнь?

Джонас опять кивнул, хотя и был озадачен. Разве жизнь не состоит из тех вещей, что ты делаешь каждый день?

— Я видел, что вы ходите на прогулки.

Дающий вздохнул.

— Да, я гуляю. Ем в положенное время. И когда меня вызывает Комитет Старейшин, я прихожу к ним, чтобы дать совет.

— И часто вы даете им советы?

Джонаса пугала перспектива давать советы Старейшинам.

Но Дающий покачал головой.

— Редко. Только если они сталкиваются с чем-то совершенно новым. Тогда они вызывают меня, чтобы я обратился к воспоминаниям и дал им совет. Но это происходит совсем не часто. Я был бы рад, чтобы они пользовались моими знаниями чаще — есть столько вещей, которые я мог бы им рассказать, иногда мне так хочется, чтобы люди изменились. Но они не хотят меняться. Жизнь в коммуне так проста и предсказуема — так безболезненна. Это то, что они выбрали.

— Зачем вообще тогда нужен Принимающий, раз они не хотят его слушать? — спросил Джонас.

— Они нуждаются во мне. И в тебе, — строго сказал Дающий. — Им об этом напомнили десять лет назад.

— А что произошло десять лет назад? — спросил Джонас. — А, знаю, вы обучали преемника, и из этого ничего не вышло. Так что же произошло?

Дающий грустно улыбнулся.

— Когда новый Принимающий потерпел неудачу, все воспоминания, которые я успел ему передать, высвободились. Они не вернулись ко мне. Они оказались... — он замолчал, пытаясь подобрать слово, — я не знаю точно где. Наверное, там, где они были раньше, до создания Принимающих. Где-то там... — он махнул рукой. — Люди получили к ним доступ. Думаю, когда-то так и было. Все имели доступ к воспоминаниям. Наступил полнейший хаос, некоторое время люди в коммуне страдали. Постепенно они приняли воспоминания, и все улеглось. Но это, безусловно, показало им, зачем нужен Принимающий. Чтобы хранить всю эту боль. И знание.

— Но вам же приходится постоянно страдать! — воскликнул Джонас.

Дающий кивнул.

— И тебе придется. Такова моя жизнь. Такой будет и твоя.

Джонас попробовал представить себе, что его ждет.

— Это, а еще прогулки, еда и... — он окинул взглядом полки, — чтение? И все?

Дающий покачал головой.

— Это то, что я делаю. А вся моя жизнь — здесь.

— В этой комнате?

Дающий опять покачал головой. Он положил руки себе на лоб и на грудь.

— Нет, здесь — во мне самом. Там, где воспоминания.

— Мои Инструкторы по науке и технологиям рассказали мне, как работает мозг, — со знанием дела сообщил Джонас. — В нем есть электрические импульсы. Как в компьютере. И если определенную часть мозга стимулировать электродом, то... — Джонас остановился, заметив странное выражение лица Дающего.

— Они ничего не знают, — горько сказал Дающий.

Джонас не верил своим ушам. С первого дня Обучения они нарушали правило, касающееся грубости, и Джонас уже к этому привык. Но то, что Дающий сказал сейчас, — совсем другое дело. Это не просто нарушение Правил, а страшное обвинение. А что если кто-нибудь слышал?

Он бросил взгляд на громкоговоритель, с ужасом думая, что Комитет сейчас мог их слушать, как может слушать всех остальных в любое время суток. Но, как и всегда во время их занятий, переключатель был передвинут на «выкл.».

— Ничего? — прошептал Джонас. — Но мои Инструкторы...

Дающий раздраженно махнул рукой.

— Ну конечно, твои Инструкторы отлично обучены. Они знают все свои научные факты. Все без исключения отлично обучены своей работе. Просто без воспоминаний все бессмысленно. Они передали это бремя мне. И тому, кто был до меня. И тому, кто был до него.

— И тому, кто был до него, и еще и еще раньше... — сказал Джонас, потому что эта фраза всегда заканчивалась именно так.

Дающий улыбнулся, но улыбка получилась недоброй.

— Правильно. И следующим будешь ты. Это великий почет.

— Да, сэр. Они говорили это на Церемонии. Самый большой почет.

Бывали дни, когда занятия отменялись. Дающий сидел в своей комнате бледный, сгорбившийся, покрытый испариной и отсылал Джонаса домой, едва тот открывал дверь.

— Уходи, — с трудом говорил Дающий. — Сегодня мне больно. Приходи завтра.

В такие дни расстроенный Джонас отправлялся гулять по берегу реки. Кроме него, на тропинке никого не было — только изредка попадались Доставщики Еды или Ландшафтные Рабочие. Младшие были в Детском Центре, дети постарше — на добровольной работе или на Обучении.

Оставшись один, Джонас тренировал память. Он выискивал глазами вспышки зеленого, который, он точно знал, притаился в кустарнике. Когда у него, наконец, получалось, он старался задержать цвет в сознании, сделать его ярче, пока не начинала болеть голова. Тогда он отпускал его, и зеленый исчезал. Джонас глядел на плоское, бесцветное небо, вытягивая из него голубой, он вспоминал солнечный свет, пока, на короткое мгновение, не начинал ощущать тепло.

Он подходил к мосту, перекинувшемуся через реку. Члены коммуны могли перейти мост только по служебной необходимости. Джонас тоже пересекал реку во время школьных поездок в другие коммуны. И знал, что на том берегу реки все выглядит примерно так же — та же плоская, упорядоченная земля, расчерченная полями. Другие коммуны были по сути такими же, как его, — разве что чуть иначе выглядели дома, немного могло отличаться школьное расписание.

Он гадал, что было там, далеко, где он никогда не бывал. Ведь земля не кончалась теми коммунами. Может быть, там, в Другом Месте, были холмы? Может быть, там было такое же бескрайнее, продуваемое ветром пространство, как в воспоминании об умирающем слоне?

— Дающий, — спросил он однажды, придя на занятие на следующий день после того, как его отпустили без обучения, — почему вам так больно?

Дающий не ответил, и Джонас продолжил:

— Главная Старейшина говорила мне еще на Церемонии, что прием воспоминаний вызывает страшную боль. И вы рассказывали, что воспоминания, высвободившиеся, когда предыдущий ваш ученик потерпел неудачу, принесли страдания всей коммуне. Но я не страдал, Дающий. Не страдал по-настоящему, — Джонас улыбнулся. — Нет, я, конечно, помню тот солнечный ожог, который я принял в первый день. Но это было не так уж и страшно. Какие воспоминания заставляют вас страдать? Дайте мне хотя бы часть, может, это облегчит вашу боль.

— Хорошо. Ложись. Видимо, время пришло. Я не могу защищать тебя вечно. Рано или поздно тебе все равно пришлось бы взвалить эту ношу на себя.

Джонас лег на кровать. Ему было немного страшно.

— Ладно, — сказал Дающий через минуту. — Думаю, надо начать с чего-то привычного. Давай еще раз отправимся на тот холм, с которого ты спускался на санках.

Он опустил руки Джонасу на спину.

В этом воспоминании все было примерно так же, хотя холм, похоже, был более крутым, а снегопад — не таким обильным.

Кроме того, было гораздо холоднее, понял Джонас. Сидя на санках на вершине холма, он видел, что снег у подножия не такой мягкий и густой, как в тот раз, а наоборот, твердый, обледеневший.

Санки сдвинулись с места, Джонас вдохнул бодрящий морозный воздух и засмеялся от радости, предвкушая захватывающий спуск.

Но полозья не смогли прорезать корку заледеневшего снега, и вместо того, чтобы плавно заскользить, санки боком понеслись вниз. Джонас натянул веревку, пытаясь вырулить, но холм был слишком крутым, а скорость — слишком большой, и он потерял управление. Джонас больше не наслаждался свободой, он был до смерти напуган. Его несло против воли, на дикой скорости, навстречу ледяной земле.

Санки налетели на какую-то кочку, Джонаса подбросило в воздух. Он упал на согнутую ногу и услышал, как треснула кость. Он проехался щекой по ледяной корке. Некоторое время он просто лежал не в силах пошевелиться и ничего не чувствовал, кроме страха.

А потом пришла первая волна боли. Он охнул. Как будто ему в ногу всадили нож и теперь огненным лезвием перерезают нерв за нервом. Помутившимся от боли рассудком Джонас принял слово «огонь» и почувствовал, как языки пламени лижут разорванную плоть. Он попытался сдвинуться с места. И не смог. Боль все росла.

Он закричал. Никто не ответил на его крик.

Он заплакал. Рыдая, он повернул голову набок, и его стошнило на замерзший снег. Кровь текла с разбитого лица в лужу рвоты.

«Не-е-ет!» — заорал он, но крик растворился в пустоте, его унес ветер.

Вдруг он снова оказался в Пристройке. Он лежал, скрюченный, на кровати и плакал.

Теперь он мог двигаться. Джонас перекатывался по кровати, глубоко дыша, чтобы освободиться от боли воспоминания.

Он сел и посмотрел на свою ногу, целую и невредимую. Боли стало намного меньше. Но все же нога болела ужасно, а лицо было мокрым от пота.

— Можно мне, пожалуйста, обезболивающее? — взмолился Джонас.

В обычной жизни обезболивающее давали всегда — если ты ушибся

или упал с велосипеда, прищемил палец или мучился животом. Мазь, таблетка или, в особо тяжелых случаях, укол мгновенно избавляли от боли.

Но Дающий сказал «нет» и отвернулся.

Тем вечером Джонас ушел домой, прихрамывая. Велосипед он катил рядом. Боль от солнечного ожога была такой слабой и сразу ушла. Но эта боль не отпускала. Джонас старался быть храбрым. Он помнил — Главная Старейшина говорила, что он должен быть храбрым.

— Что-то не так, Джонас? — спросил Отец за ужином. — Ты какой-то тихий сегодня. Ты себя плохо чувствуешь? Может, дать тебе лекарство?

Но Джонас помнил Правила. Никаких лекарств, если проблемы связаны с Обучением.

И никаких обсуждений Обучения. Когда настало время делиться чувствами, Джонас просто сказал, что устал, потому что уроки в школе в тот день оказались неожиданно трудными.

Он рано ушел в спальню и из-за прикрытой двери слышал, как родители и Лили смеются, купая Гейба.

«Они никогда не знали боли», — подумал Джонас. От этой мысли ему стало очень одиноко.

Он тер ноющую ногу. В конце концов, он заснул. Но и во сне его не оставляли боль и чувство одиночества, и он снова и снова оказывался у подножия холма.

Обучение продолжилось, и теперь почти каждое занятие включало в себя боль. Боль от перелома оказалась вполне терпимой по сравнению с теми страданиями, которые доставляли ему новые воспоминания, — Дающий постепенно показывал ему все ужасы прошлого. Каждый раз Дающий, пытаясь ободрить Джонаса, заканчивал день каким-нибудь красочным приятным воспоминанием: катание на лодке по зелено-голубому озеру, луг, усыпанный цветущими желтыми анемонами, розовый восход в горах.

Но этого было мало, чтобы успокоить боль, которую Джонас только начинал узнавать.

— Почему? — спросил Джонас, приняв очередное мучительное воспоминание: в нем, отверженный всеми, он ощутил голод. Голод вызвал спазмы в пустом, вздутом животе. Он лежал на кровати, ему все еще было больно.

— Почему мы с вами должны хранить все эти воспоминания?

— Они дают нам мудрость, — ответил Дающий. — Не будь я мудрым, я не смог бы выполнять свою работу и давать советы Комитету Старейшин,

когда он призывает меня.

— Но какую мудрость может дать голод? — простонал Джонас. Воспоминание закончилось, но живот все еще болел.

— Некоторое время назад, еще до того, как ты родился, — сказал Дающий, — члены коммуны обратились к Комитету Старейшин с просьбой. Они хотели увеличить рождаемость. Они хотели, чтобы каждая Роженица производила на свет четырех, а не трех детей. Они считали, что это увеличит население, а значит, и количество Рабочих.

Джонас кивнул.

— Вполне разумно.

— Идея была в том, что каждая Семейная Ячейка сможет воспитывать еще одного ребенка.

Джонас опять закивал.

— Мы бы точно смогли, — сообщил он. — У нас в этом году Гэбриэл, и, по-моему, третий ребенок — это очень здорово.

— Комитет Старейшин попросил моего совета, — продолжил Дающий. — Им тоже казалось, что это разумное предложение, но так как идея была новой, они решили, что им требуется моя мудрость.

— И вы использовали воспоминания?

— Да. И самым сильным воспоминанием из тех, что пришли ко мне, оказалось воспоминание о голоде. Оно пришло из очень далекого времени. Тогда, много веков назад, людей стало так много, что голод захватил все. Ужасный, мучительный голод. А за ним — война.

«Война?» — Джонас не знал, что это. Зато он понимал теперь, что такое голод. Джонас машинально погладил себя по животу.

— И вы описали им это?

— Они не хотят ничего слышать о боли. Они просто советуются. Я посоветовал им не увеличивать население.

— Вы сказали, что это было до моего рождения. То есть они редко приходят к вам за советом. Только когда, как вы выразились, появляется проблема, с которой они никогда не сталкивались. И когда они звали вас в последний раз?

— Помнишь тот день, когда над коммуной пролетел самолет?

— Да. Я очень испугался.

— Они тоже. Они хотели его сбить. Но спросили моего совета. И я велел им подождать.

— Но как вы догадались? Как вы поняли, что пилот просто сбился с курса?

— Никак. Я использовал свою мудрость, полученную из

воспоминаний. В прошлом люди иногда убивали других людей сгоряча или из страха, и это приводило к ужасным последствиям, которые уже им самим грозили уничтожением.

Джонас внезапно понял одну вещь.

— То есть, — медленно заговорил он, — у вас есть воспоминания о том, как люди уничтожают друг друга? И вы их тоже должны мне передать, чтобы я обрел мудрость?

— Да.

— Будет больно, — сказал Джонас, и это не было вопросом.

— Боль будет невыносимой, — подтвердил Дающий.

— Но почему же все не могут хранить воспоминания? Я думаю, было бы намного проще, если бы воспоминания можно было разделить. Нам с вами не пришлось бы носить в себе всю эту тяжесть.

Дающий вздохнул.

— Ты прав. Но тогда каждому будет тяжело и больно. Они не хотят этого. Вот главная причина, по которой Принимающий так им необходим и так ими почитаем. Они избрали меня и тебя тоже, чтобы мы сняли с них эту ношу.

— Когда они это решили? — сердито спросил Джонас. — Так ведь нечестно. Давайте это изменим!

— Ну и как же нам это сделать? Я вот до сих пор не придумал, хотя вроде бы должен быть самым мудрым.

— Но теперь нас двое, — оживился Джонас. — Вместе мы уж точно что-нибудь придумаем!

Дающий посмотрел на него с усмешкой.

— Мы ведь можем подать прошение об изменении Правил, — предложил Джонас.

Дающий расхохотался, да и сам Джонас неохотно улыбнулся.

— Решение было принято задолго до тебя или до меня, — сказал Дающий, — и до предыдущего Принимающего...

— ...и еще и еще раньше, — Джонас привычно закончил фразу.

Иногда она казалась ему смешной. Иногда — невероятно важной. Но сейчас она показалась ему зловещей. Она значила, что ничего нельзя изменить.

Малыш Гэбриэл рос и успешно проходил ежемесячные тесты на развитие: он уже мог сам сидеть, удерживал в руках маленькие предметы, у него было шесть зубов. Днем, как сообщал Отец, он был веселым и спокойным ребенком. Но ночью он по-прежнему капризничал, часто плакал, к нему приходилось вставать.

— Я потратил на него столько дополнительного времени, — сказал Отец как-то вечером после купания, когда Гэбриэл уже мирно лежал в кровати (корзинка стала ему мала) в обнимку с плюшевым бегемотом. — Надеюсь, его все же не удалят.

— Возможно, Удаление было бы разумным, — сказала Мать. — Ты, конечно, сам встаешь к нему ночью, но я все равно мучаюсь от недосыпания.

— А если Гэбриэла удалят, нам дадут другого Младенца? — спросила Лили.

Она стояла на коленках рядом с кроватью и корчила рожи Гэбриэлу. Тот радостно ей улыбался.

Мать раздраженно закатила глаза.

— Нет, — улыбнувшись, сказал Отец и потрепал Лили по волосам. — Младенец с неопределенным статусом — явление редкое. Думаю, такое нескоро повторится. В любом случае, вздохнул он, — решение по Гэбриэлу пока отложилось. Сейчас мы все готовимся к Удалению, которое произойдет в ближайшее время. Одна из Рожениц ждет близнецов. Должна родить в следующем месяце.

— Ох, — покачала головой Мать. — Надеюсь, не ты выбран...

— Я. Я следующий по списку. Мне придется решить, кого из них оставить в Центре, а кого — удалить. На самом деле, это не так уж и трудно. Чаще всего выбираем по весу — удаляем того, кто поменьше.

Джонас вдруг вспомнил мост и свои мысли о Другом Месте. Может, там кто-то ждет этого второго, удаленного близнеца? И он вырастет в этом Другом Месте, даже не зная, что в какой-то коммуне есть его точная копия? Тут ему в голову пришла еще одна мысль, совсем уж неправдоподобная. Ему вдруг очень захотелось, чтобы этого близнеца ждала Лариса. Лариса, которую он купал. Он вспомнил ее сияющие глаза, мягкий голос, низкий смех. Фиона рассказала ему, что Ларису удалили и что церемония прошла просто замечательно.

Но он знал, что Старым не дают растить детей. Жизнь Ларисы в Другом Месте должна быть тихой и безмятежной, как и подобает Старым. Она не должна нести ответственность за воспитание Младенца — его нужно кормить, да и по ночам он плачет.

— Мать, Отец, а что если поставить кровать Гэбриэла в моей спальне? Я умею его кормить и как его успокоить знаю. А вы поспите тогда.

Отец сомневался.

— Ты так крепко спишь, Джонас. А что если ты его не услышишь?

На это ответила Лили:

— Если никто не подходит к Гэбриэлу, он начинает очень громко вопить. Он нас всех разбудит, если Джонас не проснется.

Отец рассмеялся.

— Ты права, Лили-Били. Ладно, Джонас, давай попробуем так сделать. Но только на одну ночь! А мы с Матерью поспим.

Сначала Гэбриэл спал крепко. Джонас лежал в кровати и прислушивался. Время от времени он заглядывал в кроватку: младенец лежал на животе, вытянув ручки, и спокойно, ровно дышал. И Джонас тоже уснул.

Но через несколько часов Джонас проснулся — Гэбриэл возился в кроватке и хныкал.

Джонас встал и подошел к нему. Он начал похлопывать его по спинке. Родителям иногда удавалось его так усыпить. Но сейчас Гейб продолжал крутиться.

Продолжая похлопывать малыша, Джонас вызвал прекрасное воспоминание о плавании, недавно полученное от Дающего. Солнечный день, ярко-голубые воды озера, и лодка с белоснежным парусом, раздувающимся на ветру.

Он не знал, что отдает воспоминание. Просто вдруг понял, что оно бледнеет и переходит через его руку к ребенку. Гэбриэл затих. Ошеломленный, Джонас усилием воли вернул воспоминание назад. Он убрал руку со спины малыша и тихо стоял у кроватки.

Он опять вызвал воспоминание об озере. У него получилось, но небо было уже не таким голубым, лодка плыла не так стремительно, вода в озере помутнела. Он задержал воспоминание еще на какое-то время, стараясь успокоиться, потом отпустил его и лег в кровать.

Перед самым рассветом ребенок проснулся опять. Джонас подошел к нему и сразу положил руку ему на спину. Он передал ему то, что осталось от воспоминания об озере. И снова Гэбриэл уснул.

Зато теперь не мог уснуть Джонас. Воспоминание ушло почти полностью, и он чувствовал какую-то пустоту в том месте, где оно хранилось. Он, конечно, мог попросить Дающего о другом похожем воспоминании. Например, о плавании по океану. Теперь Джонас знал, что такое — океан, и знал, что по нему тоже можно плыть под парусом. К тому же эти воспоминания ему рано или поздно все равно нужно будет принять.

Но он не мог решить, стоит ли говорить Дающему, что он отдал воспоминание. Он ведь еще не обучен быть Дающим. А Гэбриэла никто не

избирал Принимающим.

Его пугало то, что он обладает этой способностью. И он решил не рассказывать.

Джонас вошел в Пристройку и мгновенно понял, что его сейчас отошлют. Дающий неподвижно сидел в кресле, закрыв лицо руками.

— Я вернусь завтра, сэр. Хотя, может, я могу как-то помочь? — неуверенно спросил Джонас.

Дающий посмотрел на него. Его лицо исказилось.

— Пожалуйста, — взмолился старик, — забери часть боли!

Джонас усадил его на стул рядом с кроватью. Затем скинул форму и лег лицом вниз.

— Положите руки мне на спину, — скомандовал он, понимая, что в таком состоянии Дающий может не сообразить, что надо делать.

Руки легли ему на спину, и эти руки принесли боль. Джонас собрался с духом и погрузился в воспоминание, которое мучило Дающего.

Он оказался в каком-то непонятном месте. Было шумно и очень воняло. Было утро, раннее утро. Воздух был пропитан желтым дымом. Дым висел над землей. Вокруг Джонаса, на всей поверхности чего-то, что, возможно, было полем, лежали стонущие люди. Конь с безумными глазами и разорванной уздечкой метался между телами. Наконец, громко заржав, он упал и больше не поднялся. Джонас услышал голос. «Воды», — прохрипел кто-то совсем рядом.

Джонас повернул голову и встретился взглядом с мальчиком примерно своего возраста. Его глаза были полузакрыты, грязь покрывала лицо и светлые волосы. Он лежал в странной позе, серая форма блестела от крови.

Цвета были поразительно яркими: алая кровь на серой пыльной ткани, ослепительно зеленые травинки в волосах мальчика.

Мальчик глядел на Джонаса. «Воды», — попросил он опять, и новая струя крови окрасила его грудь и рукав.

У Джонаса от боли не двигалась одна рука, и сквозь дырку в своем рукаве он увидел что-то похожее на обломки кости. Тогда он попробовал пошевелить второй рукой. Очень медленно нащупал у себя на боку фляжку и начал отвинчивать крышечку, то и дело останавливаясь, чтобы переждать накатовавшую боль. Наконец он открыл флягу и с трудом подтащил ее по мокрой от крови земле к губам мальчика. Вода потекла в открытый рот, часть пролилась на подбородок.

Мальчик вздохнул. Голова откинулась назад, лицо с приоткрытым ртом казалось удивленным. Его глаза затуманились. Он затих.

Но вокруг по-прежнему было шумно: кричали раненые люди. Они просили воды, звали Мать, молили о смерти. Раненые лошади хрипели и били копытами по воздуху.

Вдали грохотали пушки. Джонас лежал, переполненный болью. Много часов он пролежал так, ощущая оглушительную вонь, слыша крики людей и лошадей, узнавая, что такое война.

Наконец, когда Джонас понял, что больше не выдержит и сам уже мечтает о смерти, он открыл глаза и снова оказался на кровати.

Дающий не смотрел на него, словно не мог видеть, что он наделал.

— Прости меня, — сказал он.

Джонас не хотел возвращаться. Он не хотел воспоминаний, не хотел почета, не хотел мудрости, не хотел боли. Он хотел опять стать ребенком, вернуться к играм в мяч и поцарапанным коленкам. Он сидел дома один и смотрел в окно, на играющих детей, на взрослых, возвращавшихся домой после спокойного рабочего дня. В их обыкновенной жизни не было страдания, потому что они, как и их предшественники, выбрали Принимающего, чтобы он взял на себя это бремя.

Но у Джонаса не было выбора. И каждое утро он возвращался в Пристройку.

Еще много дней после того, как они разделили ужасное воспоминание о войне, Дающий был особенно ласков с Джонасом.

— Так много хороших воспоминаний, — повторял Дающий.

Джонас ему верил. Он уже получил множество счастливых воспоминаний.

Он видел празднование дня рождения, когда именинником был только один ребенок, так что теперь он понимал, каково это — быть отдельным, особенным человеком и гордиться этим.

Он посещал музеи и видел картины, наполненные всеми цветами, и каждый он мог назвать.

В одном радостном воспоминании он скакал на вороном коне по полю, которое пахло мокрой травой. Они остановились у ручья и вместе пили холодную чистую воду. Теперь он многое понимал про животных, а когда конь поднял голову и уткнулся Джонасу в плечо, узнал про особую связь животных и людей.

Он гулял по лесу, он сидел ночью у костра. Воспоминания дали ему знания о боли одиночества, но теперь он понял, что уединение может приносить и радость.

— Какое ваше любимое воспоминание? — спросил Джонас. — Не нужно мне его отдавать, — добавил он быстро, — просто расскажите мне о нем, и я буду ждать. Вам же все равно придется отдать мне его в самом конце.

Дающий улыбнулся.

— Ложись. Я счастлив поделиться им с тобой.

Джонас тут же почувствовал радость. Иногда он не мог сразу сориентироваться. Но сейчас ощущение счастья, переполнявшее

воспоминание, передалось ему мгновенно.

Он был в комнате, полной людей. В очаге горел огонь. Через окно он видел, что снаружи темно и идет снег. Разноцветные огоньки — красные, желтые, зеленые — сверкали на ветках дерева, которое почему-то стояло в комнате. На столе на золоченой подставке горели свечи, распространяя мягкий мерцающий свет. Он чувствовал запах готовящейся еды, слышал чей-то негромкий смех. На полу спала собака с золотистой шерстью.

Еще на полу лежали какие-то вещи, завернутые в яркую разноцветную бумагу и перевязанные блестящими ленточками. Джонас увидел, как малыш начал подбирать и раздавать свертки другим детям, затем взрослым, которые, очевидно, приходились им родителями, а затем паре Старых — они сидели на диванчике вместе и улыбались.

Джонас смотрел, как все развязывают ленточки, разворачивают яркую бумагу, открывают коробки и достают игрушки, одежду, книжки. Как радуются и обнимают друг друга.

Малыш залез к старой женщине на колени. Она прижалась щекой к его щеке.

Джонас открыл глаза. Он лежал на кровати, улыбаясь. Ему было тепло и хорошо. В этом воспоминании было все, что он приучился ценить.

— Что ты принял? — спросил Дающий.

— Тепло, — отвечал Джонас. — И счастье. И... дайте подумать. Семейно. Они отмечали какой-то праздник. И я ощутил что-то еще, но не могу назвать это.

— Слово придет.

— Кто были эти старые люди? И почему они там были?

Джонаса это очень удивило. В коммуне Старые никогда не покидали своего Дома, где о них так хорошо заботились.

— Их называли дедушка и бабушка.

— Дедушка и бабушка?

— Да. Так называли родителей родителей. Давным-давно.

— До меня, до вас, до того, кто был до вас, и еще и еще раньше? — Джонас расхохотался. — Так что же получается, могли быть родители родителей родителей родителей?

Дающий тоже развеселился.

— Точно. Как будто смотришь в зеркало и видишь, как ты смотришь в зеркало и видишь, как ты смотришь в зеркало.

Джонас нахмурился.

— Но ведь и у моих родителей должны были быть родители? Никогда не думал об этом. А кто родители моих родителей? И главное, где они?

— Ты можешь пойти в Зал Открытых Записей и посмотреть. Но подумай, сынок. Если ты получишь детей, то кто будет родителями их родителей? Их бабушкой и дедушкой?

— Мои Отец и Мать.

— А где они будут?

Джонас задумался.

— А-а, — протянул он. — Когда я закончу Обучение и стану совсем взрослым, мне дадут мой собственный дом. Через несколько лет Лили получит свой дом, и, может быть, супруга и детей, если подаст прошение. И тогда Отец и Мать...

— Так-так...

— Пока они будут работать и приносить пользу коммуне, они будут жить вместе с другими Бездетными Взрослыми. И уже не будут частью моей жизни. А потом, когда придет время, они отправятся в Дом Старых. — продолжил Джонас. Он думал вслух. — Там их будут уважать и будут о них заботиться, а потом состоится Церемония Удаления.

— На которую ты не придешь, — уточнил Дающий.

— Конечно, не приду. Я о ней даже не узнаю. У меня будет своя собственная жизнь. И у Лили тоже. Так что наши дети, если они у нас будут, тоже не будут знать, кто родители их родителей.

— Но ведь это неплохо устроено у нас в коммуне? — спросил Джонас. — Пока я не получил этого воспоминания, мне и в голову не приходило, что может быть устроено по-другому.

— Конечно, — согласился Дающий.

— И все же мне очень понравилось это воспоминание, — задумчиво сказал Джонас. — Я понимаю, почему вы его выбрали. Я, правда, так и не смог принять слово, которое бы описало главное чувство в этом воспоминании. Это чувство переполняло комнату.

— Любовь, — сказал Дающий.

— Любовь, — повторил Джонас. Это было новое для него понятие.

Они помолчали.

— Дающий?

— Да?

— Я собираюсь сказать что-то очень-очень глупое.

— Не оправдывайся. Здесь нет ничего глупого. Верь воспоминаниям и чувствам, которые они в тебе пробуждают.

— Ну, — потупился Джонас. — Я знаю, что у вас больше нет этого воспоминания, потому что вы мне его отдали, так что, возможно, вы уже не поймете...

— Пойму. Во-первых, остался след этого воспоминания, а во-вторых, у меня еще есть множество других воспоминаний о семьях и праздниках. О любви.

Джонас наконец решился открыться.

— Я подумал... Это, конечно, было не самое разумное устройство жизни. Старые там же, где и все остальные, а не в специальном месте, где за ними ухаживают, как сейчас, да и вообще сейчас все гораздо лучше продумано. И все-таки мне кажется, что это было здорово. И что было бы здорово, если бы и сейчас все так было и вы были бы моим дедушкой. Эта семья в воспоминании казалась немного более... — Джонас запнулся, пытаясь подобрать нужное слово.

— Немного более полной? — предложил Дающий.

Джонас кивнул.

— Мне понравилось чувство любви, — признался он.

Он покосился на громкоговоритель и, убедившись, что их никто не слышит, продолжил.

— Я бы хотел, чтобы все и сейчас было так, — прошептал Джонас. — Конечно, — торопливо добавил он, — я понимаю, что это не очень разумно. И сейчас все гораздо лучше организовано. Я понимаю, что это было очень опасно — так жить.

— Опасно?

Джонас задумался. Он сам не до конца понимал, что имеет в виду. Но чувствовал, что угроза есть.

— Ну, — ему показалось, он нащупал объяснение, — у них огонь горел прямо в комнате. В очаге. И свечи на столе тоже горели. Отлично понимаю, почему все это запретили. И все же, — подумав, заключил он, — мне нравился свет, который они излучали. И тепло.

— Отец, Мать, — неуверенно начал Джонас за ужином. — Хочу вас спросить кое о чем.

— О чем, Джонас? — спросил Отец.

Джонас зарделся от смущения. Всю дорогу от Пристройки он репетировал, как сделает это, но теперь все равно с трудом заставил себя произнести:

— Вы меня любите?

Повисло неловкое молчание. Затем Отец рассмеялся.

— Да, Джонас. Не ожидал от тебя такого. Нужно правильно употреблять слова.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Джонас. Он не был готов к такой

реакции.

— Твой Отец хочет сказать, что ты выбрал слишком общее слово, настолько бессмысленное, что его давно уже никто не употребляет, — мягко объяснила Мать.

Джонас уставился на них. Бессмысленное? Он не знал ничего более наполненного смыслом, чем это воспоминание.

— Коммуна не сможет нормально функционировать, если употреблять слова как попало. Ты мог спросить «Вы мной довольны?». И мы бы ответили «Да», — сказала Мать.

— Или, — продолжил Отец, — ты мог бы спросить «Вы гордитесь моими достижениями?». И мы от всего сердца сказали бы «Да».

— Теперь ты понимаешь, что слово «любить» совершенно неуместно? — спросила Мать.

Джонас опустил голову.

— Да, спасибо, теперь я понимаю.

Он первый раз солгал родителям.

— Гэбриэл? — прошептал Джонас.

Кровать опять стояла в его комнате. Четыре ночи Гэбриэл крепко проспал в комнате Джонаса, и родители провозгласили эксперимент удачным, а Джонаса — героем. Гэбриэл быстро рос — он уже ползал и пытался вставать. Теперь, когда он начал спать по ночам, его можно отдать в Воспитательный Центр, обрадовался Отец. В декабре, то есть уже через два месяца, ему дадут имя и определят в Семейную Ячейку.

Но когда Гэбриэла забрали из спальни Джонаса, он опять всю ночь проплакал.

Так что его вернули обратно. Раз уж Гейбу так понравилось в комнате Джонаса, пусть поспит там еще немного, пока у него не выработается привычка к крепкому сну. Воспитатели были настроены весьма оптимистично.

Гэбриэл никак не отреагировал на шепот Джонаса. Он сладко спал.

— Все можно изменить, Гейб, — сказал Джонас, глядя в потолок. — Все можно сделать по-другому. И тогда будут цвета. И дедушка с бабушкой. И у всех будут воспоминания. Ты уже знаешь про воспоминания, — прошептал он, повернувшись лицом к кровати.

Гэбриэл дышал ровно и глубоко. Джонасу нравилось спать с ним в одной комнате, хотя ему и было немного стыдно. Он так и не рассказал Дающему, что каждую ночь отдает Гейбу воспоминания: катание на лодке, пикник в солнечный день, шум дождя за окном, прогулки босиком по

влажной траве.

— Гейб?

Младенец заворочался, не просыпаясь. Джонас посмотрел на него.

— И еще будет любовь, — прошептал он.

Следующим утром Джонас впервые не принял таблетку. Что-то внутри него, что-то, что выросло из воспоминаний, велело ему выбросить ее.

«ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ВНЕПЛАНОВОЙ ВЫХОДНОЙ». Джонас, Лили и родители в изумлении посмотрели на громкоговоритель. Такие вещи он сообщал крайне редко. Члены коммуны очень радовались внеплановым выходным. Взрослых освобождали от работы, дети могли не ходить в школу, на обучение и на добровольную работу. Рабочие-Заместители, которым потом тоже давали выходной, брали на себя обеспечение едой, уход за новорожденными и Старыми. Коммуна была свободна.

Джонас с облегчением опустил папку с домашним заданием. Он как раз уже собирался выйти в школу. Занятия уже не были для него столь важными, к тому же совсем скоро они закончатся. Но все равно Двенадцатилетние, хоть и начали взрослое обучение, должны были запоминать бесконечные своды правил и осваивать новые техники.

Он пожелал родителям, сестре и Гейбу хорошего дня и поехал искать Эшера.

Он не принимал таблетки уже четыре недели. Возбуждение вернулось, и Джонаса смущали его ночные видения. Он чувствовал себя немного виноватым, но ничто не заставило бы его вернуться к миру, в котором нет чувств. Миру, где он жил так долго.

Его новые, обостренные чувства проявлялись не только во сне. Он знал, что это связано с отменой таблеток, но воспоминания тоже сыграли свою роль. Теперь он видел все цвета и, главное, мог удержать их. Трава, деревья и кусты оставались зелеными, пока он на них смотрел, щечки Гэбриэла — розовыми, даже во сне. А яблоки теперь всегда были ярко-красными.

В воспоминаниях он видел океаны, горные реки, ручейки, журчащие в лесной чаще, и теперь он совсем по-другому смотрел на реку. Он видел, как светится вода, как она переливается разными цветами, знал, что она несет в себе историю, понимал, что было Другое Место, откуда она брала начало, и Другое Место, куда она течет.

В этот неожиданный, незапланированный выходной Джонас чувствовал себя счастливым, как и всегда по выходным. Но это счастье тоже было более острым, чем раньше. Как обычно, мысленно подбирая правильное слово, Джонас понял, что его чувства стали более глубокими. И получалось, что они совсем не похожи на те чувства, которые бесконечно обсуждались каждый вечер в каждом доме коммуны.

«Я разозлилась, потому что один мальчик нарушил правила на игровой площадке», — сообщила как-то Лили, сжав кулачок, чтобы продемонстрировать свое недовольство. Члены семьи — и Джонас тоже — обсудили, как и почему он это сделал, объяснили Лили, что у этого мальчика были причины нарушить Правила и что надо быть терпимее к остальным. Лили разжала кулак, ее злость исчезла.

Но теперь Джонас знал, что никакой злости Лили не испытывала. Нетерпение, раздражение — вот, что она ощущала. Джонас в этом не сомневался, ведь теперь он понимал, что такое настоящая злость. В воспоминаниях он испытал на себе, что значат несправедливость и жестокость. В ответ на них его накрывала волна ярости — такое не обсуждают тихим вечером за ужином.

«Сегодня мне было грустно», — говорила Мать, и все утешали ее.

Но теперь Джонас знал, что такое настоящая грусть. Он испытал скорбь. Он знал, что скорбь не развеешь утешениями. Эти эмоции были гораздо глубже, и о них не нужно было рассказывать. Их можно было почувствовать. И вот сегодня он чувствовал счастье.

— Эшер! — Джонас заметил велосипед друга возле игрового поля.

Рядом валялись еще несколько — в выходной некоторые Правила можно было нарушить.

Он затормозил и тоже бросил велосипед на землю.

— Эш, ты где? — крикнул Джонас, озираясь. На поле он никого не видел. — Куда ты делся?

— Ты-ды-ды-ды-дыж, — завопил кто-то из-за куста. — Пиф-паф!

Девочка Таня выпрыгнула из укрытия. Скорчив гримасу, она схватилась за живот.

— Ты попал в меня! — крикнула она и повалилась наземь.

— Ба-бах!

Джонас, застывший на краю поля, узнал голос Эшера. Он увидел, как его друг, целясь из воображаемого оружия, скачет от дерева к дереву.

— Бах! Джонас, ты на линии огня! Берегись!

Джонас отступил. Он подошел к велосипедам и присел, чтобы его не было видно. Он часто играл в эту игру раньше — игру в хороших и плохих, безобидное развлечение, позволявшее выпустить пар. Игра заканчивалась, когда все участники оказывались на земле в странных позах.

Ему и в голову раньше не приходило, что это игра в войну.

— В атаку! — крикнул кто-то из-за сарайчика с игровыми принадлежностями. Трое детей бросились вперед, паля из несуществующих ружей.

С другой стороны поля донеслось «Контратака!», и из укрытия выскочила толпа детей — Джонас заметил среди них Фиону. Они бежали и стреляли. Несколько детей вдруг замерли и, прижав руки к груди или животу, притворились, что их сильно ранили. Они попадали на землю и лежали, изо всех сил стараясь не рассмеяться.

Джонаса переполняли эмоции. Сам не зная как, он очутился посреди поля.

— Ты ранен, Джонас! — крикнул Эшер из-за дерева. — Бах! Опять ранен!

Джонас был один в центре поля. Дети смотрели на него неодобрительно. Атакующие войска замерли и ждали, что он сделает дальше.

У Джонаса перед глазами стояло лицо мальчика, умирающего на поле боя. Мальчика, который умолял дать ему воды. Джонас вдруг почувствовал, что не может вздохнуть.

Один из детей поднял воображаемую винтовку и попробовал уничтожить Джонаса: «Пиф-паф!» Потом все умолкли, и тишину нарушало только прерывистое дыхание Джонаса. Он старался не заплакать.

Наконец, когда ничего так и не произошло, дети переглянулись и начали расходиться. Джонас слышал, как они берут велосипеды и уезжают. На поле остались только он, Эшер и Фиона.

— Что случилось, Джонас? Это просто игра, — сказала Фиона.

— И ты все испортил, — резко сказал Эшер.

— Не надо больше в нее играть, — попросил Джонас.

— Это меня назначили Помощником Директора Зоны Отдыха, — раздраженно сказал Эшер. — В твою зону ответа игры не входят!

— Зону ответственности, — машинально поправил его Джонас.

— Как угодно. Ты не можешь нам указывать, во что играть, даже если ты и собираешься стать новым Принимающим, — Эшер осекся. — Приношу свои извинения за то, что не отнесся к тебе с должным уважением, — пробормотал он.

— Эшер, — сказал Джонас. Он старался говорить мягко и четко, он подбирал слова, чтобы сказать именно то, что нужно. — Ты не можешь этого знать. Я и сам до недавних пор этого не знал. Это очень жестокая игра. Раньше люди...

— Я же сказал, что приношу извинения, Джонас.

Джонас вздохнул. Бесполезно. Эшер его никогда не поймет.

— Я принимаю твои извинения, Эшер, — устало проговорил он.

— Джонас, хочешь прокатиться вдоль реки? — спросила Фиона,

нервно кусая губы.

Джонас взглянул на нее. Она была такой милой. На секунду он представил себе, как было бы здорово просто крутить педали, смеяться, болтать со своей подругой. Но он знал, что этому не бывать. Эти времена прошли. Он больше так не сможет. Джонас покачал головой. Его друзья отвернулись и пошли к велосипедам. Он смотрел, как они уезжают.

Джонас присел на скамейку возле сарая. Его переполняло чувство утраты. Его детство, его друзья, чувство защищенности — все это уходило. Играющие в войну дети вызывали грусть и досаду. Но он не сможет им ничего объяснить, если у них не будет воспоминаний.

Он так любил Фиону и Эшера. Но они никогда не полюбят его без воспоминаний. А он не мог им их дать. Он не мог ничего изменить. Джонас был в этом уверен.

Тем вечером Лили без умолку трещала. Она рассказывала, как прекрасно провела выходной, как играла с друзьями, как обедала на улице, как попробовала прокатиться на велосипеде Отца.

— Жду не дождусь, когда мне дадут велосипед! Отцовский для меня слишком большой. Я с него упала. Хорошо, Гейба на сиденье не было!

— Да уж, неплохо, — согласилась Мать, нахмурившись.

Гэбриэл помахал рукой, услышав свое имя. Он начал ходить неделю назад. Отец сказал, что в Воспитательном Центре всегда устраивают праздник по этому поводу. А еще начинают применять дисциплинарный прут. Отец приносил прут домой, на случай если Гэбриэл будет плохо себя вести. Но Гэбриэл был веселым и послушным малышом. Он ковылял по комнате и смеялся: — Ге! Ге! — так он произносил свое имя.

Лицо Джонаса просветлело. День выдался непростым, несмотря на прекрасное начало. Джонас отогнал мрачные мысли. Он подумал, что пора учить Лили кататься на велосипеде, чтобы она могла гордо проехать по коммуне после Церемонии Десятилетних. Трудно поверить, но Церемония уже скоро, почти год прошел с тех пор, как он стал Двенадцатилетним.

Джонас улыбался, глядя, как малыш аккуратно переставляет ножки, радуясь каждому шагу.

— Сегодня лягу спать пораньше, — сообщил Отец. — Завтра у меня трудный день. Близнецы родятся завтра, и тест показал, что они абсолютно одинаковые.

— Одного сюда, другого туда, — пропела Лили. — Одного сюда, другого туда...

— А ты правда относишь его в Другое Место? — спросил Джонас.

— Нет, я только делаю выбор. Я взвешиваю их, отдаю того, кто больше

Воспитателю, а сам беру того, кто поменьше, чистенького и запеленутого. Затем я провожу небольшую Церемонию Удаления и... — тут Отец посмотрел с улыбкой на Гейба, — делаю ему «пока-пока», — закончил он своим специальным голоском, которым разговаривал с малышами. И помахал рукой.

Гэбриэл рассмеялся и помахал ему в ответ.

— И кто-то приходит за ним из Другого Места?

— Именно так, Джонас-Бонас.

Джонас покраснел, услышав свое детское прозвище.

Лили задумалась.

— А что если там, в Другом Месте, они назовут его, ну, например, Джонатан. И мы, в нашей коммуне, того близнеца, что останется здесь, тоже назовем Джонатан? И тогда будут двое детей по имени Джонатан, и они будут выглядеть совсем одинаково, и однажды, например, когда они будут Шестилетними, одна группа Шестилетних приедет в другую коммуну на автобусе, и там, в другой коммуне, в другой группе Шестилетних, будет Джонатан, который выглядит совсем как тот Джонатан, и может быть, они перепутаются, и домой вернется другой Джонатан, и может быть, родители этого не заметят, и тогда...

Она остановилась, чтобы набрать воздуха.

— Лили, — сказала Мать. — Я придумала. Может быть, когда тебе будет Двенадцать, тебя назначат Рассказчицей. В коммуне давно уже не было Рассказчиков. Будь я в Комитете, я бы точно выбрала тебя для этой работы!

Лили улыбнулась.

— А я еще лучше придумала. А что если мы все на самом деле близнецы и в Другом Месте есть другая Лили, другой Джонас, другой Отец, другой Эшер, другая Главная Старейшина, другой...

— Лили, — застонал Отец. — Пора спать.

— Дающий, — спросил Джонас на следующий день. — А вы когда-нибудь задумываетесь об Удалении?

— Ты говоришь о моем Удалении или об Удалении вообще?

— И то, и другое, наверное. Я приношу изви... То есть надо было выразиться точнее. Но я не знаю, что именно меня интересует.

— Садись. Не обязательно лежать, пока мы разговариваем.

Джонас послушно сел на кровати.

— Да, я думаю об этом время от времени, — сказал Дающий. — Я думаю о своем Удалении, когда мне становится слишком больно. Иногда я жалею, что не могу подать прошение об Удалении. Но мне не позволено это делать, пока я не обучу нового Принимающего.

— То есть меня, — грустно сказал Джонас. Он не хотел, чтобы обучение заканчивалось, не хотел становиться новым Принимающим. Он понимал, какой одинокой будет его жизнь, несмотря на весь почет.

— Я тоже не могу подавать прошение об Удалении. У меня это в правилах написано.

Дающий ухмыльнулся.

— Да, они это впихнули в правила после того, что случилось десять лет назад.

Джонас снова и снова слышал про предыдущую неудачу. Но он по-прежнему не знал, что же произошло десять лет назад.

— Дающий, — сказал он. — Расскажите мне, что тогда произошло. Пожалуйста.

Дающий пожал плечами.

— Начиналось все просто. Будущий Принимающий Воспоминаний был избран, и избрание прошло довольно спокойно. Состоялась Церемония, выбор был озвучен. Толпа приветствовала нового Принимающего, так же как и тебя. Новый Принимающий был, как и ты, озадачен и немного напуган.

— Родители сказали мне, что это была девочка.

Дающий кивнул.

Джонас подумал про свою любимую девочку, Фиону, и содрогнулся. Он бы не хотел, чтобы его милая подруга так страдала, как приходилось страдать ему, принимая воспоминания.

— Какой она была? — спросил он Дающего.

Дающий погрузился.

— Она была замечательная. Уверенная, спокойная. Умная, жаждущая новых знаний, — он помотал головой и глубоко вздохнул. — Знаешь, Джонас, когда она вошла в эту комнату в первый раз и представилась...

Джонас перебил его:

— Вы можете мне сказать, как ее звали? Родители сказали, что это имя нельзя произносить. Но вы можете мне его сказать?

Дающий запылился, как будто одно лишь имя, сказанное вслух, приносило чудовищную боль.

— Ее звали Розмари.

— Розмари. Мне нравится это имя.

Дающий продолжил:

— Когда она пришла ко мне в первый раз, она села на тот же стул, что и ты. Она была взбудоражена, немного напугана, и ей не терпелось узнать что-то новое. Мы разговаривали. Я пытался объяснить ей все.

— Как и мне.

Дающий горестно улыбнулся.

— Объяснять сложно. Все это настолько далеко от вашего опыта. Но я старался. Она внимательно слушала. И у нее светились глаза.

Внезапно он посмотрел на Джонаса.

— Помнишь, я передавал тебе свое любимое воспоминание? У меня остался еще след от него. Там была семья и дедушка с бабушкой?

Конечно, Джонас помнил.

— Да, — сказал он, — в нем было такое прекрасное чувство. Вы сказали, оно называется любовью.

— Тогда ты понимаешь, как я относился к Розмари. Я любил ее. Я и к тебе так отношусь, — добавил он.

— Что с ней случилось? — спросил Джонас.

— Началось обучение. Она хорошо принимала, как и ты. Она так радовалась новому! Я помню ее смех... — его голос задрожал и умолк.

— Что случилось? — подождав, опять спросил Джонас. — Пожалуйста, расскажите мне.

Дающий закрыл глаза.

— Мысль о том, чтобы передать ей боль, разбивала мне сердце. Но это моя работа. Я должен был это сделать, как я это сделал с тобой.

Повисла тишина. Джонас ждал.

— Пять недель. И все. Я давал ей счастливые воспоминания: катание на карусели, игра с котенком, пикник. Иногда я специально выбирал воспоминание, которое заставит ее смеяться, я так дорожил звучанием ее

смеха, тем, как он наполнял эту тихую, всегда такую тихую комнату. Но она была такой же, как ты, Джонас. Она хотела испытать все. Она знала, что обязана это сделать. И попросила дать ей более трудные воспоминания.

Джонас задержал дыхание.

— Вы ведь не показали ей войну? Всего через пять недель?

Дающий покачал головой.

— Нет. И я не передавал ей физическую боль. Но я дал ей одиночество. И я дал ей утрату. И я передал ей воспоминание ребенка, которого забрали у родителей. Оно было самым первым. Она вышла из него опустошенной.

Джонас сглотнул. Розмари, ее смех становились для него чем-то реальным, и он представил себе, как она лежит на той же самой кровати не в силах пошевелиться.

Дающий продолжил:

— Я отступил, дал ей еще радостных воспоминаний. Но все изменилось в тот момент, когда она узнала про боль. Я увидел это в ее глазах.

— Она не была достаточно храброй? — спросил Джонас.

Дающий не ответил.

— Она требовала, чтобы я продолжил, не хотела, чтобы я ее берег. Она сказала, что это ее долг. И я знал, что она права. Я никак не мог заставить себя причинить ей физическую боль. Но я дал ей все прочие виды несчастий. Бедность, голод, ужас. Я должен был это сделать, Джонас. Это моя работа. А она была избрана, — Дающий с мольбой посмотрел на Джонаса.

Мальчик взял его за руку.

— И вот в один из дней мы закончили очередное занятие. Оно было тяжелым, и я постарался, как я поступаю и с тобой, закончить счастливым воспоминанием. Но она уже не смеялась. Она стояла здесь и молчала. Потом нахмурилась, будто задумавшись над чем-то. Потом подошла ко мне, обвила руками и поцеловала в щеку.

Дающий потрогал свою щеку, как будто десять лет спустя еще ощущал прикосновение губ Розмари.

— Она ушла тогда, ушла из этой комнаты, но домой не вернулась. По громкоговорителю мне сообщили, что отсюда она направилась прямоком в Комитет и подала прошение об Удалении.

— Но это против Правил! Принимающий на Обучении не может подавать прошение об...

— Это против твоих Правил, Джонас. В ее Правилах ничего такого не

было. Она попросила удалить ее, и Комитет не мог ей отказать. Больше я ее не видел.

Так вот в чем состоял провал! Понятно, почему это так сильно расстроило Дающего, но Джонасу все это не показалось таким уж ужасным событием. Он бы никогда так не поступил, каким бы тяжелым ни было Обучение. Дающему нужен преемник, и Джонас был избран.

Тут Джонасу в голову пришла одна мысль. Розмари удалили почти в самом начале обучения. А если что-то случится с ним самим? Ведь у него уже целый год воспоминаний.

— Дающий, — сказал он, — я не могу попросить об Удалении, это я уже понял. Но вдруг со мной что-нибудь случится? Например, я упаду в реку, как Калерб? Это, конечно, ерунда, я отлично плаваю. Но что если бы я не умел плавать, и упал в реку, и исчез? Тогда уже не будет нового Принимающего, а вы уже отдали кучу важных воспоминаний, так что, если даже и выберут нового Принимающего, эти воспоминания уйдут. И тогда...

Он вдруг расхохотался.

— Я прямо как моя сестренка Лили!

— А ты держись подальше от реки, друг мой, — серьезно сказал Дающий. — Коммуна потеряла Розмари через пять недель, и это стало катастрофой. Я даже думать не хочу, что произойдет, если ты исчезнешь.

— А почему это стало катастрофой?

— Я уже говорил тебе об этом, — напомнил Дающий. — Когда она ушла, воспоминания вернулись к людям. Если ты утонешь в реке, Джонас, воспоминания не утонут вместе с тобой. Они вечны.

— У Розмари было только пять недель, и большая часть доставшихся ей воспоминаний были хорошими. Но были и ужасные, именно они ее терзали. И после ее ухода они терзали всю коммуну. Все эти чувства! Они же никогда ничего подобного не испытывали. А я был так погружен в свою скорбь, так тяжело переживал эту утрату, свое поражение, что даже не пробовал им помочь. Я злился на них.

Дающий задумался.

— Знаешь, — сказал он наконец, — если они потеряют тебя, после всего что ты уже получил, они ведь получат все твои воспоминания.

Джонас скривился:

— Вряд ли им это понравится.

— Вряд ли. И они не будут знать, как с ними справиться.

— Я справляюсь только потому, что есть вы и вы мне помогаете, — со вздохом сказал Джонас.

Дающий кивнул.

— Наверное, — проговорил он, — я бы мог...

— Вы бы могли что?

Дающий был погружен в свои мысли. Наконец он сказал:

— Если ты уплывешь по реке, я, наверное, смогу помочь всей коммуне, как помогаю тебе. Это интересная мысль. Мне нужно еще немного подумать. Возможно, мы это еще обсудим. Но не сейчас. Я рад, что ты хорошо плаваешь, Джонас. И все же держись от реки подальше.

Он улыбнулся, но как-то не радостно. Его мысли витали где-то далеко, глаза затуманились.

Джонас взглянул на часы. Столько всего еще нужно было сделать — у них с Дающим так много работы, редко удается просто посидеть поговорить.

— Простите, что я потратил столько времени на все эти вопросы про Удаление, — сказал Джонас, — просто мой Отец сегодня отвечал за Удаление новорожденного, одного из близнецов. Он должен был выбрать, кого оставить, а кого удалить. По весу. — Джонас опять посмотрел на часы. — Наверное, все уже закончилось. Я думаю, он утром этим занимался.

— Лучше бы они этого не делали, — задумчиво проговорил Дающий, так тихо, как будто говорил сам с собой.

— Ну и что же тогда, так и будут двое одинаковых людей по коммуне ходить? Только подумайте, как странно это будет выглядеть, — хихикнул Джонас и добавил: — Я бы хотел посмотреть, как проходит Удаление.

Он и правда с удовольствием посмотрел бы, как его Отец проводит церемонию, как укутывает малыша. Его Отец был таким ласковым.

— Ты можешь посмотреть, — сказал Дающий.

— Нет, — сказал Джонас, — детям смотреть запрещено.

— Джонас, — сказал Дающий. — Ты ведь внимательно прочел инструкции. Разве там не написано, что ты можешь задавать любые вопросы любому человеку?

— Да, но...

— Джонас, когда наши занятия закончатся, ты станешь новым Принимающим. Ты можешь читать книги, ты обладаешь воспоминаниями. У тебя есть доступ ко всему. Это часть твоего Обучения. Если ты хочешь посмотреть на Удаление, тебе достаточно просто попросить об этом.

Джонас пожал плечами.

— Ладно, как-нибудь посмотрю. Это Удаление я уже все равно пропустил. Я уверен, что оно состоялось утром.

— Джонас, ты, наверное, не знал, но все церемонии записываются. Они находятся в Зале Закрытых Записей. Так ты хочешь посмотреть на утреннее Удаление или нет?

Джонас замялся. Он не был уверен, что Отцу бы это понравилось.

— Я думаю, тебе стоит посмотреть, — строго сказал Дающий.

— Хорошо, — сказал Джонас. — Как это сделать?

Дающий подошел к громкоговорителю и включил его.

Тут же прозвучал голос:

— Да, Принимающий. Чем могу помочь?

— Я хочу посмотреть церемонию Удаления близнеца, которая состоялась сегодня утром.

— Одну минуту, сэр. Спасибо за указания.

Джонас смотрел на экран. Сначала белое полотно подернулось косыми полосами, потом появились какие-то цифры, затем дата и время. Ему было ужасно интересно, он ведь и не догадывался, что это возможно.

Вдруг он увидел маленькую комнатку без окон. В ней почти ничего не было, кроме кровати и стола с весами и еще какими-то инструментами. Джонас уже видел такие весы во время добровольной работы в Воспитательном Центре. Еще в комнате стоял шкафчик. Пол покрывал светлый ковер.

— Обычная комната, — удивился Джонас. — А я думал, что это происходит в Зале, как Церемония Удаления Старых, я думал, все приходят. Все Старые приходят на Церемонию Удаления. Хотя, может быть, если удаляют Младенцев...

— Чш-ш-ш, — шикнул Дающий, не отрываясь от экрана.

Отец Джонаса, одетый в форму Воспитателя, вошел в комнату. На руках у него лежал запеленутый Младенец. Следом за ним вошла женщина в такой же форме с точно таким же свертком.

— Это мой Отец, — Джонас неожиданно понял, что говорит шепотом, как будто малыши могли проснуться от его голоса. А другой Воспитатель — его помощница, она на Обучении, но скоро уже его закончит.

Воспитатели развернули пеленки и положили близнецов на кровать. Они были голенькие, и Джонас увидел, что это мальчики.

Он заворуженно смотрел, как его Отец аккуратно кладет на весы сначала одного, а потом другого ребенка.

Он услышал, как Отец рассмеялся.

— Отлично, — сказал он женщине. — Я уж подумал, что они совсем одинаковые. Вот тогда у нас были бы проблемы. Но этот, — он показал на одного из Младенцев, — весит ровно три килограмма. Так что оденьте его и отнесите в Центр.

Женщина взяла малыша и вышла.

Джонас увидел, как его Отец склонился над попискивающим ребенком.

— А ты, парень, набрал всего два восемьсот. Креветочка!

— Он всегда говорит с малышами таким голосом, — сказал Джонас,

улыбаясь.

— Смотри, — сказал Дающий.

— Теперь он его помоеет и запеленает, — сказал Джонас. — Он мне сам рассказывал.

— Тихо, Джонас, — сказал Дающий странным голосом. — Смотри.

Джонас послушно уставился на экран. Ему было интересно увидеть саму церемонию.

Его Отец подошел к шкафчику и достал оттуда шприц и маленькую бутылочку. Очень аккуратно он воткнул иглу в бутылочку и наполнил шприц прозрачной жидкостью.

Джонас понимающе вздохнул. Он уже и забыл, что новорожденным делают уколы. Он ненавидел уколы, но иногда они просто необходимы.

Джонас очень удивился, когда увидел, что его Отец приставил шприц к головке ребенка и проткнул ее там, где пульсирует тонкая кожица. Младенец скривился и тоненько запищал.

— Почему он...

— Чш-ш-ш, — снова шикнул Дающий.

Отец что-то говорил, и Джонас понял, что он отвечает на вопрос, который Джонас собирался задать. Тем же ласковым голоском Отец говорил:

— Знаю, малыш, знаю. Больно, да? Но мне нужна вена, а вены на твоих ручках еще совсем малипусенькие.

Он медленно вводил жидкость в вену, пока шприц не опустел.

— Ну вот и все. Не так уж и страшно, — весело сказал Отец, повернулся и бросил шприц в урну.

«А теперь он его наконец помоеет и запеленает», — сказал Джонас про себя, поняв, что Дающий не хочет разговаривать.

Он увидел, что ребенок перестал плакать. Потом дернул ножками. Потом обмяк. Уронил головку, прикрыл глаза. И затих.

Джонас вдруг с ужасом понял, что узнает эти движения, позу, выражение лица. Он это уже где-то видел. Только никак не мог вспомнить где.

Джонас уставился на экран, надеясь, что что-то еще произойдет. Но ничего не произошло. Младенец лежал, не двигаясь. Отец убирал все на место. Сложил пеленку. Закрыв шкафчик.

Как и тогда, на игровом поле, Джонасу стало трудно дышать. И он опять увидел окровавленное лицо юного солдата, увидел, как уходит из него жизнь. Воспоминание вернулось.

«Он убил его! Мой Отец убил его!» — сказал себе Джонас, не в силах

в это поверить. Он тупо глядел на экран.

Отец закончил убирать комнатку. Затем открыл коробку, которая стояла на полу, и положил туда тело. Плотно закрыл крышкой.

Он взял коробку и перенес ее в другую часть комнаты. Он открыл дверцу в стене, Джонас видел, что за ней темно. Она больше всего напоминала мусоропровод, как в школе.

Отец положил коробку в отверстие и подтолкнул ее. «Пока, малыш!», — сказал он и вышел из комнаты.

Затем экран вновь стал белым.

Дающий повернулся к Джонасу. И очень спокойно сказал:

— Когда мне сообщили, что Розмари подала прошение об Удалении, на экране сразу появилась запись. Так я в последний раз увидел это прекрасное дитя. Она ждала. Они принесли шприц и попросили закатать рукав.

— Ты подумал, что она была недостаточно храброй. Я ничего не знаю о храбрости, не знаю, что значит быть храбрым. Я только знаю, что я сидел здесь оглохший от ужаса. Жалкий и беспомощный. А Розмари говорила им, что предпочла бы сделать укол сама. И сделала. Я этого не видел. Я отвернулся.

Дающий посмотрел на Джонаса.

— Вот так, Джонас. Вот ты и узнал, что такое Удаление, — сказал он горько.

Джонасу стало трудно дышать, он почувствовал страшную боль, которая вырвалась наружу плачем.

— Я не пойду! Я не пойду домой! Вы меня не заставите! — Джонас кричал, всхлипывал, бил по кровати кулаками.

— Сядь, Джонас, — велел Дающий.

Джонас послушался. Его трясло. Он сел на краешке кровати. На Дающего он не смотрел.

— Ты можешь остаться здесь. Я хочу поговорить с тобой. Сейчас тебе нужно сидеть очень тихо, я сообщу твоим родителям, что ты не придешь. Никто не должен слышать, как ты плачешь.

— Никто не слышал, как плачет этот ребенок! Никто, кроме моего Отца! — крикнул мальчик и снова зарыдал.

Дающий молча ждал. Наконец Джонас затих. Он сидел скрючившись. Его все еще трясло.

Дающий подошел к громкоговорителю и включил его.

— Да, Принимающий. Чем могу помочь?

— Сообщите Семейной Ячейке нового Принимающего, что он остается у меня на ночь для дополнительного обучения.

— Конечно, сэр. Спасибо за указания, — сказал голос.

— Конечно, сэр. Конечно, сэр, — пробормотал Джонас с издевкой. — Конечно, сэр. Все сделаю, сэр. Буду убивать людей, сэр. Старых? Новорожденных? Как скажете, сэр. Буду счастлив убить их, сэр. Спасибо за указания. Чем могу по... — Он просто не мог остановиться.

Дающий схватил его за плечи. Джонас умолк и уставился на него.

— Послушай, Джонас. Они не виноваты. Они ничего не знают.

— Вы мне это уже говорили.

— Я говорил тебе это, потому что это правда. Они так живут. Живут той жизнью, которую для них придумали. И ты жил бы так, если бы тебя не избрали моим преемником.

— Но он солгал мне! — заплакал Джонас.

— Ему велели так сделать, и он не умеет по-другому.

— А вы? Вы тоже мне лжете? — прошипел Джонас.

— Мне позволено лгать, но тебе я никогда не лгал.

Джонас смотрел на него, не мигая.

— Удаление всегда такое? И для тех, кто нарушает правила три раза? И для Старых? Они и Старых убивают?

— Да.

— А как же Фиона? Она же любит Старых! Она учится заботиться о них. Она еще не знает? А что же она будет делать, когда ей скажут? Как она себя будет чувствовать? — Джонас вытер мокрое лицо рукавом.

— Фиону уже обучают искусству Удаления. — сказал Дающий. — Твоя рыжеволосая подруга отлично с этим справляется. В жизни, которой ее учат, нет места чувствам.

Джонас обхватил себя руками и начал раскачиваться.

— Что мне делать? Я не могу вернуться! Не могу!

Дающий встал.

— Для начала, я закажу ужин. И мы поедем.

— А потом будем делиться чувствами? — Джонас понял, что опять говорит противным голосом.

Дающий грустно улыбнулся.

— Джонас, мы с тобой единственные во всей коммуне, у кого есть чувства. И мы делимся ими уже год.

— Простите, Дающий. Я не хотел так злиться. Только не на вас.

Дающий погладил Джонаса по плечу.

— А когда мы поедем, — продолжил он, — мы придумаем план.

Джонас посмотрел на него озадаченно.

— План чего? Ничего нельзя сделать. Так всегда было. До меня, до вас, до того, кто был перед вами, и еще и еще раньше, — он проговорил стандартную фразу.

— Джонас, — помолчав, сказал Дающий. — Так было очень долго, и кажется, что так было всегда. Но воспоминания говорят нам, что это неправда. Что когда-то люди испытывали чувства. Мы с тобой были частью этого, мы знаем. Мы знаем, что люди чувствовали гордость и печаль, и...

— И любовь, — сказал Джонас, вспомнив о сцене семейной жизни, которая так его впечатлила. — И боль, — добавил он, подумав о солдате.

— Но худшее в воспоминаниях — не боль. А одиночество. Их нужно с кем-то разделять.

— Вы начали разделять их со мной, — сказал Джонас.

— Да. И то, что ты был здесь, занятия с тобой показали мне, что все должно измениться. Многие годы я думал об этом, но мне казалось, что это невозможно. И вот впервые я понял, что есть один способ, — медленно сказал Дающий. — Ты подсказал мне это почти... — тут он взглянул на часы, — почти два часа назад.

Джонас смотрел на него и слушал.

Было уже совсем поздно. Они все говорили и говорили. Джонас сидел,

завернувшись в мантию Дающего, которую могли носить только Старейшины.

Это было возможно — то, что они планировали. Но почти неосуществимо. И если у них не выйдет, Джонаса скорее всего убьют.

Но разве это важно? Если он останется, жить ему все равно незачем.

— Да, — сказал он Дающему. — Я сделаю это. Я думаю, у меня получится. Попробовать все равно надо. Но я хочу, чтобы вы ушли со мной.

Дающий покачал головой.

— Джонас, все это время, поколение за поколением коммуна зависела от Принимающего, который хранил все воспоминания. Многие из них я в этом году передал тебе. И забрать их я не могу. Нет способа сделать это. Так что если тебе удастся сбежать, если это произойдет, а ты знаешь, что пути назад не будет...

Джонас мрачно кивнул. Эта часть его очень пугала.

— Да, я понимаю, но если вы отправитесь со мной...

Дающий покачал головой и жестом попросил его замолчать.

— Если ты окажешься далеко, в Другом Месте, коммуне придется взять бремя твоих воспоминаний на себя. Я думаю, они справятся с этим, и мудрость придет к ним. Но это будет невероятно тяжело. Когда мы потеряли Розмари десять лет назад, и ее воспоминания вернулись к людям, они запаниковали. И по сравнению с теми, что хранишь ты, у нее было совсем немного. Когда твои воспоминания вернуться, коммуне понадобится помощь. Помнишь, я помогал тебе, когда ты только начал принимать воспоминания?

— Да, я помню. Вначале было страшно. И очень больно.

— Тебе была нужна моя помощь. Им она тоже понадобится.

— Все это не имеет смысла. Они найдут мне замену. Они выберут нового Принимающего.

— Сейчас нет никого, кто был бы готов к обучению. Они, конечно, постараются выбрать его поскорее, но я не знаю ни одного подходящего ребенка.

— Есть девочка со светлыми глазами. Но она Пятилетняя.

— Да, правильно. Я понимаю, о ком ты. Ее зовут Катарина. Но она слишком мала. Так что им придется взять эти воспоминания, хотят они или нет.

— Я хочу, чтобы вы пошли со мной, — взмолился Джонас.

— Нет. Я останусь, — строго сказал Дающий. — Я хочу этого, Джонас. Если я уйду с тобой, мы оставим их совершенно беззащитными перед грузом воспоминаний. Никто не сможет им помочь. Наступит хаос.

Они просто перебьют друг друга. Я не могу их бросить.

— Почему мы с вами вообще должны о них заботиться?

Дающий посмотрел на него с улыбкой. Джонас опустил голову. Конечно, они должны о них заботиться. Ради них все и затевалось.

— Кроме того, Джонас, мне это не под силу. Я слабею. Я говорил, что уже не различаю цвета?

У Джонаса защемило сердце. Он погладил Дающего по руке.

— У тебя цвета, — сказал Дающий. — У тебя смелость. И у тебя будет сила — я помогу тебе ее обрести.

— Год назад, когда я только начинал видеть цвета, вы сказали мне, что у вас было по-другому. И сказали, что не можете мне объяснить.

Лицо Дающего просветлело.

— Да, так и есть. И, представляешь, все твои знания, воспоминания, всё, чему ты научился за год, не поможет тебе понять, о чем я говорю. А все потому, что я немного пожадничал и не дал тебе ни капли этого. Я хотел сохранить это до последнего.

— Что сохранить?

— Когда я был мальчиком, младше, чем ты сейчас, это начало происходить. Но я не начал Видеть Дальше, как ты. Нет. Я начал Слышать Дальше.

Джонас нахмурил брови.

— Что же вы слышали?

— Музыку, — сказал Дающий с улыбкой. — Воистину прекрасное явление. Я поделюсь с тобой перед уходом.

Джонас яростно замотал головой.

— Нет, Дающий, — сказал он. — Я хочу, чтобы у вас была музыка, когда уйду я.

Утром Джонас отправился домой. Он приветливо поздоровался с родителями и легко солгал про то, какой насыщенной и интересной была эта ночь у Дающего. Его Отец улыбнулся и легко солгал про то, какой насыщенный и интересный день был вчера на работе.

В школе во время уроков Джонас снова и снова прокручивал в голове план побега. Он был удивительно прост — они с Дающим обсуждали его до поздней ночи.

За две недели, оставшиеся до декабрьской Церемонии, Дающий передаст Джонасу как можно больше воспоминаний о силе и храбрости. Они понадобятся ему, чтобы добраться до Другого Места, в существовании которого они с Дающим не сомневались. Не сомневались они и в том, что

найти его будет весьма непросто.

Затем ночью накануне Церемонии Джонас тайком уйдет из дома. Это была самая опасная часть плана, Джонасу предстояло нарушить одно из основных Правил — оно гласило, что член коммуны может покинуть свое жилище ночью исключительно по служебной необходимости.

— Я уйду в полночь, — сказал Джонас. — Уборщики уже закончат собирать остатки ужина, а Контролеры Дорог выходят на работу позже. Так что меня никто не должен увидеть — разве что кто-нибудь выйдет из дома по срочному делу.

— Я не знаю, что тебе говорить, если ты попадешься, — сказал Дающий. — У меня есть воспоминания о побегах. Людям удавалось сбежать в самых тяжелых ситуациях. Но каждый случай — особый. И ни одного, похожего на наш.

— Я буду осторожен. Никто меня не заметит.

— Ты Принимающий на Обучении, и это уже достаточно почетная должность. Так что вряд ли тебя будут усердно допрашивать.

— Я просто скажу, что выполняю важное поручение Принимающего. Скажу, что это вы виноваты, — поддразнил Дающего Джонас.

Они нервно засмеялись. Но Джонас на самом деле не сомневался в том, что ему удастся потихоньку выйти из дома, прихватив запас вещей. Он возьмет велосипед и спрячет его вместе с вещами в зарослях на берегу реки.

Потом он в полной темноте пешком дойдет до Пристройки.

— Ночного служителя здесь нет, — объяснил Дающий. — Я оставлю дверь открытой, и ты просто проскользнешь в комнату. Я буду тебя ждать.

Утром родители обнаружат, что Джонаса нет. Но на кровати будет лежать записка, что он поехал покататься вдоль реки и вернется к Церемонии. Родители рассердятся, но не встревожатся. Они подумают, что он поступил безответственно и заслужил выговор.

Они будут ждать, раздражаясь все сильнее, пока, наконец, им не придется взять Лили и пойти на Церемонию без него.

— Но они никому ничего не скажут, — не сомневался Джонас. — Они не захотят привлекать внимание к моему грубому поступку, потому что это отразится на отчете об их родительских успехах. Да и вообще, все будут так увлечены Церемонией, что, скорее всего, просто не заметят моего отсутствия. Я ведь теперь Двенадцатилетний на Обучении, а значит, мне не обязательно сидеть с моей возрастной группой. Так что Эшер подумает, что я с родителями или с вами...

— А родители — что ты со мной или с Эшером.

Джонас пожал плечами.

— В общем, они не сразу обнаружат, что меня нет.

— А ты к тому моменту будешь уже далеко.

Дающий закажет машину с водителем на утро. Он часто посещает другие коммуны, чтобы встретиться с местными Старейшинами — его полномочия распространяются на все близлежащие коммуны, так что ничего необычного в этой просьбе не будет.

Обычно Дающий не приходит на Церемонию. В прошлом году он пришел только ради Джонаса. Все остальное время он жил обособленно, поэтому никто не удивится тому, что он выбрал именно этот день, чтобы уехать.

Когда приедет машина, Дающий отошлет шофера по какому-нибудь поручению. Пока его не будет, он поможет Джонасу забраться в багажник и даст ему запас еды, которую будет откладывать ближайшие две недели.

Начнется Церемония, вся коммуна окажется в Лектории, а Дающий с Джонасом уже будут в пути.

К полудню все наверняка уже поймут, что Джонаса нет, и начнут беспокоиться. Церемонию прерывать не будут — это просто невысказано, — а вот поисковые группы вышлют.

К тому времени, как они обнаружат брошенные у реки велосипед и одежду, Дающий уже вернется. А Джонас будет на пути в Другое Место.

По возвращении Дающий обнаружит, что коммуна погружена в панику. Люди впервые столкнутся с такой ситуацией, и у них не будет воспоминаний, дарующих мудрость и спокойствие. Они не будут знать, что делать, им будут нужны его советы.

Он придет в Лекторию, где будут все члены коммуны. Он поднимется на сцену. Он объявит, что Джонас утонул. И сразу начнет Церемонию Утраты.

«Джонас, Джонас» — будут произносить они громко, как когда-то произносили имя Калеба. Дающий будет руководить пением. Вместе они позволят Джонасу исчезнуть из их жизни, произнося его имя в унисон, все тише и тише, пока не перейдут на шепот, и к концу этого длинного дня он исчезнет совсем, и никто больше не упомянет его имени.

И тогда они столкнутся с чудовищной необходимостью принять воспоминания. А Дающий им поможет.

— Да, без вас они, конечно, не справятся, — заключил Джонас после обсуждения деталей плана. — Но и мне вы нужны. Пожалуйста, оставайтесь со мной! — Джонас просил, уже не надеясь, что Дающий согласится.

— Моя работа будет закончена, когда я помогу коммуне измениться и снова обрести целостность.

— Я благодарен тебе, Джонас. Без тебя я бы никогда не придумал, как все изменить. Но твой долг — сбежать. А мой — остаться.

— Разве вы не хотите пойти со мной? — грустно спросил Джонас.

Дающий обнял его.

— Я люблю тебя, Джонас, — сказал он. — Но мне есть куда пойти. Когда я закончу работу, я хочу оказаться рядом с дочерью.

Джонас удивленно посмотрел на него:

— Я не знал, что у вас есть дочь, Дающий! Вы говорили, что у вас была супруга. Но про дочь я и не догадывался.

Дающий улыбнулся. Впервые за эти месяцы, что они провели вместе, Джонас видел его таким счастливым.

— Ее звали Розмари.

«Это сработает. У нас все получится.» — Джонас повторял себе это снова и снова весь день.

Но вечером все изменилось. Все — все, что они с Дающим так подробно обсуждали, — рухнуло в один миг.

Той ночью Джонасу пришлось бежать. Он вышел из дома сразу после наступления темноты. Это было очень опасно — хоть большая часть коммуны и сидела по домам, Рабочие еще были на улицах. Но он был очень осторожен. Он старался держаться в тени, пробираясь мимо домов и пустой Центральной Площади к реке. Он видел очертания Дома Старых и Пристройки на фоне ночного неба. Но он не мог остановиться. Не было времени. Каждая минута была на счету, с каждой минутой он должен был уходить все дальше и дальше от коммуны.

Теперь он ехал по мосту. Пригнувшись к рулю, Джонас равномерно крутил педали. В темноте он видел, как бурлит внизу вода.

Поразительно, но, покидая коммуну, он не чувствовал ни страха, ни сожалений. Только глубокую грусть. Там оставался его лучший друг. Он знал, что не может издать ни звука — это слишком опасно, — но всем сердцем надеялся, что Способность Слышать Дальше позволит Дающему услышать его прощальные слова.

Это случилось за ужином. Семейная Ячейка, как обычно, собралась за одним столом: Лили весело щебетала, Мать и Отец делились тем, что произошло за день (мешая правду с ложью, как теперь понимал Джонас). Рядом на полу шебуршал Гэбриэл, лопотал что-то на своем младенческом языке и время от времени улыбался Джонасу, радуясь, что он вернулся после неожиданного ночного отсутствия.

Отец посмотрел на малыша.

— Наслаждайся, Гейб, — сказал он. — Ты ведь последний раз у нас в гостях.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Джонас.

Отец разочарованно вздохнул.

— Ну, помнишь, сегодня утром, когда ты вернулся, Гэбриэла здесь не было? Мы подумали, что, раз тебя нет, надо попробовать оставить его на ночь в Воспитательном Центре. Он ведь в последнее время так хорошо

спал.

— Идея оказалась не очень хорошей?

Отец усмехнулся.

— Это мягко сказано. Просто катастрофа! Он проплакал всю ночь. Ночные воспитатели сбились с ног. Когда я пришел утром, на них было жалко смотреть.

— Ах ты скверный мальчишка! — Лили погрозила Гейбу пальчиком.

— Так что нам пришлось принимать решение, — продолжил Отец. — На сегодняшнем совещании даже я проголосовал за Удаление Гейба.

Джонас опустил вилку и уставился на Отца.

— Удаление? — переспросил он.

Отец кивнул.

— Мы сделали все, что в наших силах.

— Да, ты прав, — поддержала его Мать.

Кивнула и Лили.

Джонас изо всех сил старался говорить спокойным голосом.

— Когда? — спросил он. — Когда его удалят?

— Завтра рано с утра. Нам пора готовиться к Церемонии Называния, так что мы решили поскорей с этим разобраться.

— Утром скажем тебе «пока-пока», малыш, — сказал Отец своим «детским» голосом.

Джонас доехал до другого берега, остановился и посмотрел назад. Там была его коммуна, место, где он провел всю свою жизнь. Коммуна спала. На рассвете там снова начнется упорядоченная понятная жизнь, но уже без него. Жизнь, в которой нет места ничему неожиданному. Ничему неудобному. Ничему необычному. Жизнь без цвета, без боли, без прошлого.

Он надавил на педаль и поехал дальше. Он не мог себе позволить оглядываться назад. Он подумал о Правилах, которые уже успел нарушить, — если его поймут, он обречен.

Во-первых, он покинул жилище ночью. Нарушение основного Правила.

Во-вторых, он украл у коммуны еду — очень серьезное преступление, хоть он и забрал остатки ужина, выставленные на порогах домов для уборки.

В третьих, он украл отцовский велосипед. Он не сразу решился на это. Глядя в темноте на велосипеды, он думал, что ему не хочется брать ничего, что имеет отношение к Отцу, к тому же он не был уверен, что ему будет удобно ехать на таком большом велосипеде.

Но пришлось взять именно отцовский велосипед с детским креслом на багажнике.

Ведь Гейба он тоже взял с собой.

Он чувствовал, как головка малыша тыкается ему в спину во время езды. Гэбриэл сладко спал надежно закрепленный в кресле. Перед тем, как выйти из дома, Джонас прижал руки к его спине и передал ему свое самое умиротворяющее воспоминание: покачивающийся гамак, привязанный к дереву на каком-то далеком острове, шум волн, ритмично подкатывающих к берегу. Он чувствовал, как, принимая воспоминание, Гейб начинает дышать тише и ровнее, глубже погружается в сон. Он даже не пошевелился, когда Джонас усадил его в кресло.

Джонас знал, что у него в запасе еще несколько ночных часов, потом все поймут, что он сбежал. Так что он ожесточенно крутил педали, надеясь, что усталость не одолеет его. Шло время, расстояние между ним и коммуной увеличивалось. Он не успел получить воспоминания о силе и храбрости, которые Дающий собирался ему передать. Так что он рассчитывал только на то, что имел, и надеялся, что этого хватит.

Он объезжал коммуны, то и дело попадавшие на его пути. Но их становилось все меньше, он все чаще ехал просто по пустой дороге. Ноги сначала болели, потом он перестал их чувствовать.

На рассвете Гейб начал ворочаться. Они ехали по пустынной местности, поля вдоль дороги сменялись зарослями деревьев. Джонас заметил ручей и направился к нему по ухабистой тропинке. Гейб, который давно уже проснулся, хохотал каждый раз, как велосипед подпрыгивал на кочке.

Джонас расстегнул ремни и снял Гейба с велосипеда. Он смотрел, как Гейб увлеченно исследует траву и хворост. Джонас спрятал велосипед в кустах.

— Завтрак, Гейб!

Джонас покормил Гейба и поел сам. Наполнил чашку, которую захватил из дома, водой из ручья и поднес ее ко рту Гейба. Потом напился сам и сел на траву.

Джонас смотрел, как веселится малыш. Сам он был изнурен. Он понимал, что ему нужно поспать, дать отдохнуть мышцам, подготовиться к следующей изматывающей поездке. При свете дня ехать он не мог, это было опасно.

Скоро их начнут искать.

Он нашел укромное место в зарослях, взял малыша и лег. Гэбриэл

радостно отбивался — он решил, что это игра. Дома они часто так играли — Джонас щекотал его, и они смеялись.

— Прости, Гейб, — сказал Джонас. — Я знаю, что сейчас утро и ты только что проснулся. Но нам надо поспать.

Он обнял Гейба и погладил его, ласково приговаривая. Потом прижал к его спине руки и передал ему воспоминание об ужасной усталости. Через секунду Гейб уронил головку ему на грудь.

Вместе беглецы проспали первый опасный день.

Страшней всего были самолеты. Прошло уже много дней, Джонас не знал, сколько. Путешествие приобрело распорядок: днем — сон под густыми деревьями, поиск воды, распределение крупиц еды. А ночью — бесконечные мили езды.

Его мышцы окрепли. Ноги болели только перед сном. Но они стали гораздо сильнее, и Джонасу теперь реже нужно было останавливаться для отдыха. Иногда он останавливался, и они с Гейбом вместе бежали по дороге или по полю в темноте. Но каждый раз, когда он возвращался к велосипеду и закреплял никогда не жалующегося малыша в кресле, его ноги были готовы крутить педали. Так что сил ему хватало и без воспоминаний Дающего, которые он должен был получить, если бы все пошло по плану.

Но когда появлялись самолеты, он жалел, что не успел получить мужества.

Он знал, что это поисковые самолеты. Они летели так низко, что будили его шумом двигателей, и иногда, выглядывая из своего укрытия, Джонас мог рассмотреть лица пилотов.

Он знал, что они не различают цветов, что цвет его кожи, золотые кудряшки Гейба для них — просто пятна серого на сером же фоне. Но он помнил, как на уроке науки и технологий им рассказывали, что поисковые самолеты снабжены датчиками тепла. Так они могли обнаружить двух живых существ, спрятавшихся в кустарнике.

Поэтому каждый раз, услышав рев двигателя, он передавал Гэбриэлу воспоминания о снеге и вызывал их сам. Они оба холодели, и когда самолеты улетали, еще долго дрожали, прижимаясь друг к другу, пока вновь не приходил сон.

Иногда, передавая воспоминания Гэбриэлу, Джонас чувствовал, что они стали менее отчетливыми. Это то, на что он надеялся, то, чего они с Дающим ждали — что по мере удаления от коммуны, он будет терять воспоминания, оставляя их людям. Но теперь, когда они ему были так нужны для защиты от самолетов, для выживания, он изо всех сил старался

удержать воспоминания о холоде как можно дольше.

Обычно самолеты появлялись днем, пока они прятались. Но и ночью он был начеку, постоянно прислушиваясь. Гэбриэл тоже слушал и кричал «Самолет! Самолет!» даже раньше, чем Джонас различал пугающий шум. Когда поисковики появлялись ночью, Джонас мгновенно съезжал с дороги к ближайшему дереву или кусту, бросался наземь и делал себя и малыша холодными. И иногда в самую последнюю секунду.

Когда он ехал ночами по пустынной дороге, оставив все коммуны далеко позади, не видя никаких следов человеческого присутствия, он все равно был постоянно начеку, высматривая подходящее укрытие на случай, если появятся самолеты.

Но постепенно самолеты почти перестали появляться. Они прилетали редко и уже не опускались так низко и не летели так медленно, как будто поиск стал бессистемным и бессмысленным. Наконец пришел день, когда они ни разу не появились. Не появились они и ночью.

Пейзаж менялся. Сперва почти незаметно. Дорога стала более широкой и менее ровной. Судя по всему, Дорожные Рабочие ею не занимались. Стало гораздо труднее удерживать равновесие на велосипеде — переднее колесо то и дело подсакивало на ухабах и проваливалось в рытвины.

Как-то ночью Джонас упал — велосипед наехал на булыжник. Джонас сразу проверил, в порядке ли Гэбриэл — ребенок, надежно закрепленный в кресле, не пострадал, разве что испугался, когда велосипед завалился набок. А вот Джонас вывихнул лодыжку и разодрал коленки. Сквозь порванную штанину сочилась кровь. Морщась от боли, он поднял велосипед, поправил кресло и успокоил Гейба.

В какой-то момент Джонас решил ехать при свете дня. Он уже совсем не боялся самолетов, которые, казалось, были далеко в прошлом. Но теперь его мучили новые страхи. Необычный ландшафт скрывал неведомые опасности.

Деревьев становилось все больше, леса вдоль дороги были все темнее и таинственнее. Ручьев тоже стало больше — теперь они часто останавливались попить. Джонас морщась промывал коленки. Опухшую, постоянно ноющую лодыжку он опускал прямо в придорожные канавки — холодная вода успокаивала боль.

Он осознал теперь, что Гэбриэл полностью зависит от него, от его неубывающих сил.

Они увидели свой первый водопад. И первое живое существо.

— Самолет! Самолет! — закричал Гейб, и Джонас стремительно скатился в кусты, хотя уже давным-давно не видел никаких самолетов, да и сейчас не слышал шума двигателя. Он остановился и обернулся к Гейбу. Малыш показывал пальчиком на небо.

В ужасе Джонас поднял глаза, но вместо самолета увидел что-то другое. Он это видел в первый раз, но ускользящие воспоминания подсказали ему название — птица.

Вскоре птиц стало очень много, они парили в небе, иногда были слышны их крики. Дети видели оленя, а однажды на обочине дороги встретили смешного рыже-коричневого зверька с пушистым хвостом. Зверек смотрел на них с любопытством. Джонас не знал, как он называется, но остановился, и они глядели друг на друга, пока зверек не скрылся в лесу.

Все это было так необычно. После такой предсказуемой жизни в Одинаковости Джонаса переполняли новые ощущения и знания, которые дарил ему каждый поворот дороги. Он снова и снова тормозил, чтобы полюбоваться дикими цветами, насладиться переливами птичьих трелей или трепетанием листьев на ветру. За все двенадцать лет, прожитые в коммуне, он никогда не переживал такое простое и такое острое счастье.

Но, кроме этих радостных ощущений, Джонаса посещали и другие. Например, страх. Больше всего он боялся, что им с Гейбом придется голодать. Ухоженные поля остались далеко позади, и найти еду было все сложнее. Они прикончили последние запасы картошки и морковки, собранные на полях, и теперь всегда были голодны.

Джонас попытался, встав на колени у ручья, поймать рыбу руками, но у него ничего не вышло. В отчаянии он начал бросать в воду камни, понимая, что это совершенно бессмысленно. Наконец он сделал некое подобие сети из завязок одеяльца, которым Гейб укрывался, и кривой палки.

Джонас закидывал и закидывал сеть без счета, пока не поймал двух серебристых рыбок. Джонас разделил их на кусочки острым камнем, и они с Гейбом поели сырой рыбы. Потом ягод. Попытались поймать птицу, но безуспешно.

Ночью, пока Гейб мирно спал рядом, Джонас лежал с открытыми глазами, мучаясь от голода, и вспоминал жизнь в коммуне, где еду приносили каждый день.

Он попробовал обратиться к слабеющим воспоминаниям, и перед его глазами встали соблазнительные картины: блюда с жареным мясом, именинные торты, сочные плоды, покачивающиеся на ветках.

Но когда воспоминания ушли, он остался один на один с грызущей пустотой. Однажды он вспомнил, как в детстве ему сделали выговор за неправильно употребленное слово. Тогда он сказал «я умираю от голода». И ему ответили, что это неправда. И что никто в коммуне никогда не умирал, не умирает и не умрет от голода.

Что ж, теперь это не так. Теперь он действительно умирает от голода. А если бы он остался в коммуне, этого бы не случилось. Он так хотел, чтобы у него был выбор. И вот он его получил. И неправильно им распорядился. Выбрал побег. И теперь умирает от голода.

С другой стороны, продолжал размышлять Джонас, если бы он остался, он бы тоже умирал от голода. Он бы жил, страдая от нехватки чувств, цвета, любви.

А Гэбриэл? Для Гэбриэла жизнь бы просто закончилась. Так что

никакого выбора на самом деле не было.

Ехать на велосипеде стало невероятно трудно. Ослабевший от голода Джонас еле-еле крутил педали, искалеченная лодыжка ныла, к тому же на их пути стали попадаться холмы, о которых он когда-то так мечтал, и забираться на них было настоящей пыткой.

Начала меняться погода. Два дня шел дождь. Джонас никогда не видел дождя, только в воспоминаниях. Дождь в воспоминаниях ему нравился — это было новое интересное ощущение, совсем не такое, как сейчас. Они с Гейбом промокли и все время мерзли. И им никак не удавалось высохнуть, даже в те редкие моменты, когда выглядывало солнце.

До этого Гэбриэл никогда не плакал, каким бы страшным и изматывающим ни был их путь. Теперь же он плакал постоянно — ему было мокро и холодно, и он хотел есть, и он ужасно ослабел. Джонас тоже плакал. По той же самой причине. Но у него был еще один повод для слез. Он плакал, потому что боялся, что не спасет Гейба. Про себя он уже не думал.

Джонас не сомневался, что цель близка. Приближалась ночь, и ничто не подтверждало его уверенность. Он ничего не видел, кроме бесконечной петляющей дороги. Он ничего не слышал.

И все же он чувствовал — Другое Место уже недалеко. Но у него почти не осталось надежды, что они смогут туда добраться. Совсем плохо стало, когда ему в лицо подул холодный пронизывающий ветер, в котором кружилось что-то белое.

Гэбриэл, завернутый в тоненькое одеяльце, сгорбился на своем сиденье и затих. Джонас остановился, снял малыша и с ужасом понял, каким холодным и слабым тот стал.

Джонас почти не чувствовал ног. Он стоял по колено в чем-то холодном и белом. Джонас распахнул рубашку и прижал Гейба к голой груди. Грязное рваное одеяльце он замотал поверх них обоих. Гейб дернулся и захныкал.

Одни среди белой пустоты.

Мысли путались и кружились, как белое вокруг, но Джонас все-таки вспомнил, как это белое называется.

— Это снег, Гейб, — прошептал он. — Снежинки. Они падают с неба, и это очень красиво.

Ребенок, когда-то такой живой и любопытный, молчал. Джонас посмотрел сквозь снег на маленькую головку, прижавшуюся к его груди. Кудряшки Гейба сваялись в грязные комки, дорожки слез покрывали бледные щеки. Глаза были закрыты. Джонас увидел, как снежинка упала на трепещущие ресницы и сразу растаяла.

Джонас сел на велосипед. Впереди виднелся крутой холм. Взобраться на него и при хорошей погоде было бы не так просто, а снегопад и вовсе делал это невозможным. Переднее колесо почти не двигалось, хотя Джонас и нажимал изо всех сил на педали онемевшими ногами.

Джонас слез и бросил велосипед в снег. На секунду он представил себе, как просто было бы сейчас лечь самому, опуститься с Гейбом на мягкий снег, погрузиться в тишину, отдаться сну.

Но он уже столько прошел. Он должен попытаться дойти до конца.

Воспоминания остались позади, вышли из-под его защиты, чтобы вернуться к людям коммуны. Осталось ли хоть что-нибудь? Мог ли он получить хотя бы крупицу тепла? Обладал ли он еще силой Давать? И

сможет ли Гейб Принять?

Он опустил руки Гейбу на спину и попытался вспомнить солнце. Сначала ему показалось, что ничего не происходит, что его дар исчез. Но вдруг он почувствовал, как жаркие лучи согревают его одеревеневшие ноги. Как начинает светиться лицо, отмерзает задубевшая кожа на руках. На мгновение ему захотелось оставить все это себе, самому купаться в солнечном свете, не думая ни о чем и ни о ком.

Но это мгновение сменилось порывом, нуждой, страстной необходимостью разделить тепло с единственным, кого ему осталось любить. Невероятным усилием он направил воспоминание в холодное дрожащее тело, сжавшееся у него на руках.

Гэбриэл заворочался. Они оба нежились в тепле, набирая силы, обнимая друг друга под падающим снегом.

Воспоминание было мучительно коротким. Джонасу удалось пройти лишь несколько метров, и тепло ушло, и они опять оказались вдвоем в холодной ночи.

Но сознание осталось ясным. Даже краткий миг тепла прогнал апатию и вялость, вернул ему волю к жизни. Он начал идти быстрее на негнущихся ногах. Холм был предательски крутым, Джонасу мешал снег и почти полное отсутствие сил. Он прошел совсем чуть-чуть, споткнулся и упал.

На коленях, не в силах подняться, Джонас попробовал снова. Сознание ухватилось за еще одно теплое воспоминание, и он постарался удержать его, укрепить и передать Гейбу. Душевные и физические силы вернулись к Джонасу, он встал. Гейб снова заворочался. Джонас продолжил восхождение.

Но воспоминание ушло, и сделалось еще холоднее, чем раньше.

Если бы только Дающий успел дать ему побольше воспоминаний о тепле! Может, у него осталось бы хоть что-то сейчас. Но «если бы» ему не помогут. Ему надо сосредоточиться на том, чтобы держаться на ногах, согревать Гэбриэла и себя, продолжать путь.

Он карабкался вверх, останавливался, быстро согревал их обоих тем, что еще помнил.

Вершина холма была далеко, и он не знал, что за ней. Но ему ничего не оставалось, кроме как идти вверх. И он шел.

Когда вершина была уже близко, что-то произошло. Нет, теплее Джонасу не стало. Наоборот, таким замерзшим он еще себя не чувствовал. Усталость тоже никуда не делась, он еле передвигал ноги. Но он вдруг почувствовал себя счастливым. И начал вспоминать счастливые времена. Он вспомнил родителей и сестру. Вспомнил своих друзей, Эшера и Фиону.

Вспомнил Дающего. Воспоминания о радости переполнили его.

Джонас достиг самой вершины холма.

— Мы почти пришли, Гейб, — прошептал он, почему-то ни капельки в этом не сомневаясь. — Я помню это место.

И он его вправду помнил. Но ему не нужно было из последних сил вызывать слабое воспоминание. Все было по-другому. Он легко мог его удержать. Это было его собственное воспоминание.

Он прижал к себе Гэбриэла, потер ему спинку, чтобы согреть. Дул ледяной ветер. Снег кружился и закрывал путь. Но где-то там впереди, за метелью, Джонас знал, были свет и тепло.

Откуда-то в нем взялись знание, что на вершине холма его ждут санки, и силы, чтобы их найти. Задубевшими руками Джонас взялся за веревку.

Он покрепче прижал к себе Гейба и сел на санки. Спуск был крутым, но снег был мягким, и Джонас знал, что на этот раз не будет льда, не будет падения, не будет боли. Внутри его остывающего тела горела надежда.

Они поехали вниз.

Джонас понял, что теряет сознание, но последним усилием заставил себя сидеть ровно, прижимая Гейба, не давая ему упасть. Ветер бил ему в лицо, но сани ехали прямо, прорезая полозьями дорогу к цели, к Другому Месту, где детей ждало их будущее и прошлое.

Он заставил себя открыть глаза. Санки неслись вниз, и вдруг он увидел огни. Он сразу их узнал. Он знал, что они светят через окна, что это те красные, желтые и синие огоньки, что горят на деревьях в домах, где семьи создают и хранят воспоминания, где люди славят любовь.

Вниз, вниз, быстрее, быстрее. Джонасу вдруг стало радостно и спокойно, он почувствовал: там, впереди, его ждут. И малыша ждут тоже. И впервые в жизни он услышал что-то, что, он понял, было музыкой. Он услышал, как люди поют.

А еще ему показалось, что далеко позади, через время и пространство, в том месте, которое он покинул, тоже звучит музыка. Но возможно, это было просто эхо.